

Дикий носок

ИЗГНАНИЕ

16+

Дикий Носок

Изгнание

«Автор»

2019

Дикий Носок

Изгнание / Дикий Носок — «Автор», 2019

Можно ли подружиться со снежным человеком? Или мы слишком разные, и поэтому обречены на страх и взаимную неприязнь? Альтернативная история о параллельном существовании и столкновении двух цивилизаций: людей и йети.

© Дикий Носок, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Первая встреча.	17
Рисунок.	20
Башня.	25
Экспедиция.	29
Спасение.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дикий Носок Изгнание

Сказка для взрослых, которая вовсе не обязывает Вас искать в ней какую-то мораль.

Пролог

Ох, лихо-лишенько! Мочи нет идти дальше. Израненные ноги покрыты язвами. Тяжело опустившись на берегу ручья, Нетуш сначала напился, зачерпывая холодную воду пригоршнями, отчего зубы тут же заломило. А затем опустил в воду натруженные многодневным переходом ноги.

Спутники его, утолив жажду, попадали кто где на прибрежной полянке, окутанной белой-розовой дымкой цветущей вишни. Краса эта была не в радость. Тяготы бесконечного пути вконец измотали их. Полуша уж сколько дней подвывает, как побитая собака, убивается по умершему в дороге дитяти, а дед Шушак по своей старой бабе. Он еле брел последним, опираясь на суковатую палку, наверняка, скоро и он их оставит.

Куда же гонят их? Зачем? Эти вопросы Нетуш задавал себе снова и снова. Никогда они не делали плохого йоргам, а те им. Не охотились друг на друга, не убивали. Делить им было нечего.

Мощная мохнатая рука на мгновение показалась из цветущего облака и швырнула на середину поляны трех зайцев со свернутыми уже шеями. Порою йорги подкармливали их в дороге. Нетуш с трудом поднялся и достал из поясной сумы огневые камни. Какое счастье, что они были при нем, когда пришли йорги. Иначе люди просто пропали бы с голоду. Он бросил зайцев бабам ошкурить, а сам занялся костром. Внуки деда Шушака молча поднялись и принялись собирать валежник.

Запах жареного мяса немного взбудрил всех, хотя и было его с гулькин нос на каждого. Уже ночью при свете костра, когда спутники вповалку спали вокруг, Нетуш достал берестяной свиток и заостренную палочку и продолжил вчерашние записи.

Пещера.

Маленькая речушка с кристально чистой, прозрачной водой журчала под ногами. Ледяная вода облизывала гладкие булыжники, перекатываясь через мелкие и, пенясь, огибая крупные. Вокруг его ног плавное, равномерное течение воды сбивалось, закручивая тугие струйки в водовороты. Стоя по щиколотку в воде, Урум внимательно рассматривал свои ступни. Холода он не чувствовал. Колечки рыже-бурой шерсти свивались и развивались, колышась из стороны в сторону, словно водная трава, растущая на дне реки, повинуюсь малейшему движению воды. Удивительно, как вода искажает вид того, что находится внизу. Он давно это заметил, еще в детстве.

Замшелые камни по берегам речушки даже в полдень редко оказывались под прямыми солнечными лучами, прикрытые разлапистыми кронами деревьев. Урум присел и зачерпнул пригоршню воды. Так и есть, какой-то незнакомый привкус. Не неприятный, но особенный. Любопытно. Урум не спеша двинулся вверх по течению реки прямо по воде. Речка была мелкой, лишь кое-где глубина воды доходила ему до колен.

Недаром мать дала ему это имя – Урум, созвучное тому, как маленькая речушка играет в прятки с галькой на берегу. Урум-м-м, Урум-м-м, Урум-м-м. Он всегда любил воду. Иногда Урум ложился на дно речной заводи или неглубокого озерца, надолго задерживая дыхание, и, позволив воде успокоиться, наблюдал за выющимися в воздухе стрекозами и стайками мальков сквозь призму воды. Яркое полуденное солнце, на которое невозможно было смотреть без боли в глазах, через толщу воды выглядело размытым, расплывающимся всеми цветами радуги сияющим пятном.

Уже много после полудня река привела его в пещеру, высота сводов которой многократно превышала рост Урума. Величественная арка входа не препятствовала проникновению света и воздуха. Но подступающие почти вплотную к пещере деревья прятали ее от посторонних глаз и создавали приятный сумрак внутри. В глубине пещеры со сводов гроздьями свешивались

летучие мыши, укутав свои маленькие остроухие головки крыльями. Их помет толстым слоем устилал землю внутри. Ну, конечно! Вот откуда странный привкус у воды. Как он сразу не понял?

Исток говорливой речушки, между тем, терялся в небольшом бездонном озерце, из которого она и брала начало. Непроглядно-черная вода была мертва и неподвижна. Она проглотила брошенный Урумом камень с тихим всхлипом и безмятежно сомкнулась над ним. Он по опыту знал, как коварна и безжалостна может быть пещерная вода. Когда Урум был еще мал и держался за ногу матери, он видел, как подземная река утащила взрослого йорга, недавно достигшего полной зрелости. Никто не бросился ему на помощь, это было бессмысленно. Молодой, сильный, полный жизни йорг исчез в пучине мгновенно, как сухой осенний листок, подхваченный водоворотом. Его изломанное, смятое, словно комок глины, тело нашли неподалеку от того места, где река выныривала из-под горы: оторванная рука; содранная со спины кожа; треснувший в нескольких местах, будто яичная скорлупа, вытянутый череп; мягкие, изломанные, вывернутые под неестественным углом конечности. Как ни мал был тогда Урум, он запомнил это навсегда. Какая нелепая смерть! Поэтому озеро обошел стороной и наткнулся на завал.

Камни осыпались уже давно, слежались, заросли мхом и лишайниками. Суетливые ящерицы прыгнули в разные стороны, когда он своротил первый камень и легко отбросил прочь. Урум и сам себе не смог бы ответить на вопрос: зачем принялся разбирать этот старый обвал? Без устали откидывая камни в течении нескольких часов, до наступления темноты он успел разобрать значительную часть осыпи, распугав грохотом большую часть летучих мышей.

Почувствовав острый голод, Урум прервался. Опустив в холодную воду реки исцарапанные ладони – единственную часть тела, кроме ступней, не покрытую жесткой рыжевато-бурой шерстью, он замер, чутко вслушиваясь в звуки и запахи окружающего леса. Уловив шорох знакомого трепыхания крыльев, Урум бесшумно, как умеют передвигаться все йорги, направился в ту сторону. Парочка жирных тетеревов: яркий, красно-бровастый, видный самец и неприметно-серая самочка прятались на нижних ветвях разлапистой старой ели и были легкой добычей. Привычным движением оторвав небольшие аккуратные головки, Урум с наслаждением напился теплой крови и, разорвав сильными пальцами грудь самцу, впился зубами во внутренности. Двух птиц было вполне достаточно, чтобы утолить голод. Йорги не брали лишнего. В пещеру он вернулся с рассветом, проведя ночь на берегу реки. Компания летучих мышей его не прельщала.

С завалом Урум провозился до следующего полудня, проделав ход достаточной ширины, чтобы пролезть внутрь. Протиснув мускулистое тело в лаз, йорг оказался в маленьком сухом зале, ничем не примечательном, кроме странного зеленовато-голубого сияния в дальнем его конце. Там Урума поджидало невиданное прежде чудо: мерцающее призрачное сияние окутывало своды пещеры, переливаясь от таинственного изумрудно-зеленого до сияющего небесно-голубого. Источником его были колонии светлячков, уютно устроившиеся в расселинах скалы. Завороженный зрелищем Урум позабыл обо всем на свете. Своды пещеры напоминали звездное небо в ясную летнюю ночь, когда несчетное количество огоньков сияет над головой, изредка соскальзывая вниз и оставляя на небосводе огненный след.

Но чудом было вовсе не это. Глаза быстро привыкли к полумраку пещеры, и, опустив взгляд ниже колоний светлячков, Урум с удивлением понял, что видит на стене изображение лошади, а рядом еще и еще одно. Плавные изгибы тел, изящно вскинутые в движении ноги, развивающиеся гривы и хвосты. Целый табун лошадей застыл на стене пещеры, запечатленный в едином неукротимом порыве. Это было невероятно. Урум замер, будто громом пораженный. Никогда раньше не доводилось ему видеть ничего подобного. Он даже не слышал, что кто-то из его сородичей способен сотворить такое чудо. Рисунки были сделаны углем удивительно точными, четкими линиями.

Урум внимательно огляделся по сторонам: пещерный лев, оскалив пасть и припав к земле, готовился к прыжку; неспешно шествовал величавый мамонт; грациозная лань, пронзенная копьем в прыжке, падала на землю, как сложенный цветок. Это был единственный рисунок, сделанный не углем, а охрой. Казалось, будто животное истекает кровью. Копьё? Но йорги не убивают копьями, лишь руками и зубами. Кто это нарисовал? Неизвестный художник обозначил себя у выхода из пещеры, оставив на стене красный, охряный отпечаток ладони. Маленькой ладони. Человеческой.

Не может быть! Не может быть, чтобы эти никчемные, мерзкие паразиты способны были создавать такую красоту. Ведь они не способны даже увидеть и почувствовать ее. Лишь бездумно уничтожить. Стоило только колонии людей появиться где-то, как они принимались наносить природе кровавые, порой поколениями не заживающие раны: вырубали и сжигали леса; выворачивали наизнанку землю, превращая ее за несколько лет в бесплодную пустошь; убивали без разбора всех живых существ, куда больше, чем нужно для насыщения; возводили нелепые, громоздкие, уродливые жилища – тесные, дымные, вонючие, загаженные; захламляли все вокруг себя. И плодились с невероятной скоростью. Люди расплозились, подобно стаям саранчи или лесным пожарам, пожирая и уничтожая все на своем пути. Ни одно живое существо не ведет себя подобным образом. Все – от малой птицы, прячущей гнездо в траве, до гороподобных мамонтов приспособились и живут в полной гармонии друг с другом и природой, не забирая лишнего, только то, что нужно для выживания. В том числе и лишние жизни. И йорги поступают так. Но не люди. Потому они и были изгнаны предками Урума в давние времена.

Тонко чувствующий красоту Урум провел в пещере много часов, будучи не в силах оторваться от рисунков. Словно зачарованный, он проводил пальцами по изогнутым линиям рисунков и пытался повторить их. И не мог. Его руки, такие сильные и ловкие, оказались неспособны воспроизвести плавные, точные линии силуэта лошади.

Как человек сделал это? Почему он – Урум не мог так? Почему он не мог уловить чудесное мгновение и перенести его на камень? А человек смог? Молодой йорг был в смятении. Владевший им восторг не позволял ему уйти от пещеры много дней. Она манила его, словно яркий цветок пчелу. Он кружил вокруг рисунков, как стервятник у туши мамонта, будучи не в силах уйти прочь.

А решившись, отправился к старику Мууну. Он не знал никого мудрее. Муун был стар, очень стар. Он прожил уже почти две жизни. Руки его давно потеряли былую силу, спина согнулась под тяжестью прожитых лет, побелевшая шерсть местами вытерлась, обнажив серовато-бурую кожу, сухую и сморщенную на вид, будто засохшая кора дерева. В хорошую погоду большую часть времени Муун проводил, греясь на солнышке, блаженно шурясь и почесывая впалую грудь. Жил он в небольшой сухой пещере в десяти днях пути. Его любимица Ула – последнее потомство, не покинула отца, достигнув зрелости, а осталась жить со стариком, заботясь о нем. Без ее помощи Муун давно бы умер от голода. Он был так стар, что часто мерз в холодные зимы и просил Улу разжечь огонь, чтобы согреться.

У старика Мууна была репутация умного и знающего йорга. Порой родители оставляли ему на некоторое время своих незрелых отпрысков, чтобы Муун поведал недорослям об окружающем мире: откуда и куда текут реки, почему дует ветер, почему день сменяется ночью. Урум тоже провел у наставника несколько месяцев. За это время старому йоргу удалось разбудить природное любопытство юного, давая ему по крупицам пищу для размышлений обо всем на свете, за что Урум был очень признателен учителю. Но со времен своего ученичества он старика не видел. Муун с тех пор заметно сдал. Глаза его затянулись белесой пленкой так, что он почти ослеп; ставшие тонкими, будто молодые веточки дерева, руки мелко дрожали и только крепкая палка из ствола молодой березы позволяла ему передвигаться. Единственным, что старику еще не изменило, было обоняние. Он издали почуял приближение Урума и принесенный им гостинец – тушу молодого оленя.

В день встречи о делах не говорили. Урум и Ула поджарили на огне самые лакомые куски оленя для старика, а сами с удовольствием насыщались сырым мясом. Разморенный сытной едой и теплом очага, Муун задремал и оставил молодых йоргов наедине. Ула лукаво поглядывала на гостя, будя в нем незнакомое прежде смущение. Она была на голову ниже Урума, статная, некрупная, с почти черной шелковистой шерстью и загадочной улыбкой. В свете костра глаза ее поблескивали, как перламутровые бусины, иногда находимые в раковинах моллюсков. Когда он видел Улу последний раз, та еще держалась за ногу матери и, ловко лазая по деревьям, из озорства сверху метко обкидывала Урума сосновыми шишками.

«Ты в смятении, Урум,» – проницательно заметил старик, начиная разговор на следующее утро, после того, как они снова поели оленины и расположились на сухой полянке близ пещеры. Ула нежилась в траве неподалеку, губами собирая спелые ягодки земляники и отвлекая тем самым мысли Урума от предмета разговора.

«Что же беспокоит тебя, мой любознательный ученик?» – продолжил Муун.

«Люди»

«О-о-о,» – многозначительно протянул старый йорг и надолго замолчал.

Волны доброжелательности с нотками иронии распространялись от Мууна. Умудренный опытом старик умел создать вокруг себя атмосферу умиротворения, без труда внушая окружающим чувство покоя и безопасности. Урум еще постигал эту науку, развивая свои природные способности. Все приходит с опытом. Проще всего было внушить живому существу чувство паники и ужаса. С покоем и безопасностью было гораздо сложнее, приходилось подавлять инстинкт самосохранения – самый сильный у любого живого существа.

«Люди. Да, они всегда внушают беспокойство. Но за ними хорошо присматривают, Урум. Нет причин для волнения,» – наконец промолвил старик.

«Я не об этом, учитель. Неподалеку отсюда я нашел пещеру с чудесными рисунками на стенах. Они как живые: лошади, мамонты, лев. Их оставили люди. Они сумели передать не только облик, но, кажется, и саму суть каждого живого существа. Почему людям дано такое умение? Почему мы так не можем?» – горячился Урум.

«Только некоторым из них, Урум. Не всем, лишь немногим избранным,» – успокоительно произнес старый йорг.

«Вы тоже видели рисунки, учитель?»

«Нет, но видел кое-что другое. Подожди, сейчас покажу,» – заковылял к пещере Муун, тяжело опираясь на палку. Вернувшись, он развернул на земле сверток из козлиной шкуры. В первое мгновение Урум и не понял, что он видит. Осторожно взяв в руки небольшую, хрупкую на вид фигурку человека, вырезанную из кости: гладкое, округлое тело, лишенное шерсти везде, кроме головы; плавные изгибы круглых бедер и неестественно тонкой талии; сложенные на груди короткие руки; сведенные вместе непропорционально длинные ноги – молодой йорг замер в восторге. Хотя, ведь это не йорг, а человек. Их тела именно такие: с короткими руками, нелепо длинной шеей, круглой, а не вытянутой головой, тонкими и длинными, словно у цапли, ногами. Но как искусно вырезано, фигурка – будто живая! Непостижимо. Это было еще удивительнее, чем рисунки на стенах пещеры. Урум долго ощупывал каждый изгиб тела, проводя пальцами по прохладной, гладкой кости, стараясь понять и будто вобрать в себя эту красоту. Фигурка была старой, кость пожелтела от времени. Муун его не торопил. Посматривая на ученика сквозь полуприкрытые веки, он наслаждался произведенным эффектом. Старик словно видел себя много десятилетий назад: изумленного, ошеломленного, пораженного до глубины души случайно найденной красотой, пойманной, как бабочка, и запечатленной в кости неизвестным мастером.

«Откуда она? Где ты её взял?» – спросил, наконец, потрясенный Урум.

«Я нашел её на брошенном человеческом городище много лет назад. Они оставили много странных вещей во время изгнания. Лес поглотил еще не все.»

«Почему ты не показывал мне её раньше? У тебя есть ещё?»

«Нет, друг мой. Раньше ты был слишком мал, чтобы понять. Ты можешь взять её себе, когда я уйду. Вряд ли она ещё долго будет радовать мой взор,» – усмехнулся в белоснежную бороду Муун.

«О, благодарю, учитель. Но я хочу пойти туда, где ты ее нашел. Может быть я увижу там ещё что-то, столь же прекрасное».

«Конечно, хочешь, мятущаяся душа. Конечно, хочешь. Ну так иди, Урум. Иди. Это далеко, почти на южной окраине очищенных земель, у подножия Радужных гор. Дорога займет много времени, но тебя это не остановит. Вряд ли мы еще увидимся, друг мой,» – с печалью в голосе произнес старик. – «Ула сохранит для тебя фигурку».

Ула лишь фыркнула в ответ.

Знакомство.

Балаш во весь дух неся по узким, мощеным камнем улочкам старого города, ловко маневрируя между добропорядочными хозяйками, уже возвращающимися с утреннего торга с корзинами, полными свежей зелени, ещё бьющей хвостами живой рыбы или распространяющего одуряюще-вкусный аромат свежесдобитого хлеба; гомонящими во весь голос стайками школяров; степенными отцами семейств, торопящимися открыть свои лавки и конторы. Новые, кожаные, ни разу не надетые еще ботинки, издающие упоительный запах хорошо выделанной телячьей кожи, – предмет гордости Балаша и зависти его многочисленных друзей, парень бережно нес подмышкой, решив надеть их уже на месте, чтобы не истрепать раньше времени.

Пока босые ноги привычно шлепали по камням, Балаш на бегу умудрялся и дурашливо поздороваться с хорошенькой девушкой в лавке портнихи, и перепрыгнуть через старого пьяницу Марко, спавшего, как обычно, на пороге своего дома, куда суровая супруга не пускала его, если тот не мог войти сам, и изобразить на лице полный восторг выплывающим из-за угла необъятным бюстом молочницы. Девушка в ответ улыбнулась (может она и поближе познакомиться не прочь), Марко ничего не заметил, возмущенная молочница плюнула вслед охальнику и разразилась гневной тирадой.

Только вчера смотритель дорог и мостов взял Балаша в помощники и наказал быть у него рано утром, к часу открытия городского торга. И как только он умудрился проспять в первый же день? На эту должность было много претендентов. Абрам – смотритель дорог и мостов предпочел юношу за умение быстро считать в уме и находить общий язык с самыми разными людьми. Но ничто не мешало ему в любой момент передумать и взять другого помощника. Поэтому под показной веселостью Балаша скрывалось серьезное беспокойство.

Ему оставалось лишь спуститься со скалы, на которой теснились узкие, извилистые улочки и громоздились один на другой разномастные, прилепленные стена к стене домики старого города. Они вырастали прямо из голых скал, сливаясь с ними потому, как сложены были из тех же самых камней. Маленькие, тесные балкончики лепились к стенам, словно ласточкины гнезда. Узкие окошки напоминали скорее бойницы и были призваны сохранять прохладу в доме летом и тепло зимой. Отчаянные хозяйки вывешивали постиранное белье прямо над пропастью, не забывая прищипливать его к веревкам массивными деревянными прищепками.

Скала была большой, с плоской, будто срезанной огромным ножом вершиной. На ее отвесных склонах с комфортом гнездились ласточки, а местами умудрялись цепляться корнями редкие кусты. Река огибала ее с двух сторон, устремляясь далее к морю. Именно за неприступность и выбрали для поселения это место первые люди, пришедшие на полуостров во времена изгнания. Страх загнал их жить на голую скалу, лишенную и воды, и растительности. Страх йоргов. Люди приспособились доставать воду из реки, не спускаясь вниз, с помощью специальных приспособлений, построили жилища. Днем они работали в полях внизу, а на ночь забирались на скалу. Сейчас с нее открывался потрясающий вид на красные черепичные

крыши и белоснежные трубы свободно раскинувшегося внизу нового города, фруктовые сады, зеленой каймой опоясывающие его, бескрайние поля на много лиг вокруг и глубокую синеву моря вдали. Изгибающаяся вслед за скалой каменная лестница в многократно посчитанные, истертые тысячами ног сто восемьдесят две ступени была единственной дорогой, соединяющей верхний и нижний город. Балаш стремглав неся по ней вниз, прыгая через ступеньку. И за очередным поворотом лестницы со всего маха налетел на старуху Будур.

Страшно представить, что было бы, окажись на ее месте кто-нибудь другой. Они с юношей наверняка скатились бы кубарем к подножию лестницы, переломав все кости. Но старуха Будур устояла. Была она на голову выше самого высокого мужчины в городе, массивной и крепкой, как скала. Откинув ткнувшегося в ее грудь наглеца легким движением руки на три ступени вверх, она уткнула свои огромные руки в бока, перегородив тем самым всю лестницу, и вперила тяжелый взгляд в недотепу. При виде её сурово сдвинутых мохнатых бровей, выдающейся вперед крупной, плотно сжатой челюсти, развивающихся за спиной седых косм, выбившихся из-под низко повязанного на покато лбу платка, и маленьких, злобно сверкающих глазок, любого взяла бы оторопь. И Балаш не был исключением. Однако потерять только что полученную работу сейчас он боялся больше, чем даже старуху Будур. А потому быстро вскочил и рассыпался в извинениях. Старуха не промолвила ни слова, однако, чуть помедлив, опустила одну руку ровно настолько, чтобы Балаш мог бочком протиснуться между нею и скалой и снова припустить вниз во весь дух. Жуткая бабка. И запах от нее исходит какой-то острый, звериный и усы над верхней губой, как у мужика. Неужели правду говорят об этом семействе, что у них в роду были йорги?

Осторожный и педантичный Абрам, происходящий из семьи потомственных строителей, был назначен смотрителем дорог и мостов десять лет назад, после безвременной кончины своего предшественника, задавленного насмерть упавшей с моста телегой в то время, как он осматривал опоры моста на предмет трещин и других повреждений. Мостов в городе было всего два: старый каменный в четыре арочных пролета в центре города, большую часть года выглядевший слишком монументальным для такой небольшой речушки, и достаточно широкий, чтобы могли разъехаться две телеги, и новый, для которого соорудили такие же массивные каменные опоры, но само полотно моста было деревянным. Его снимали перед приходом большой воды, чтобы не унесло, а потом водружали обратно, меняя сгнившие бревна в случае необходимости. Этот мост был вдвое уже и позволял быстро попасть из рыбацкого посада на городской торг. Рано поутру по нему двигалась нескончаемая вереница больших корзин с грозно шевелящими клешнями крабами, наваленными горками креветками, бьющейся о борта гладкими спинами рыбой, обложенными водорослями раковинами с моллюсками и прочим живым товаром, несущим с собой запах соли и моря.

Абрам был человеком серьезным и ответственным, рачительным хозяином своего дома, благодарным сыном своей матери, надеждой и опорой для своих двух младших незамужних сестер и отцом целого выводка детей мал мала меньше. Сейчас для смотрителя пришло время взять себе помощника и обучить его всем премудростям, дабы было кому передать дела. Балаш ему нравился, он схватывал все на лету, однако был чересчур горяч и импульсивен. Абрам надеялся, что с возрастом юноша станет серьезнее и рассудительнее. Но, подойдя сегодня утром к реке, озадаченный Абрам забыл обо всем, включая безнадежно опоздавшего нового помощника.

Уровень воды в реке за ночь упал примерно на четверть.

Река, протекающая через город, названия не имела, а именовалась просто Река (именно так, с большой буквы) потому, как была единственной на полуострове и являлась кормилицей и поилицей для всех здесь живущих. Она брала начало где-то в Радужных горах, загромождавших перешеек между полуостровом и материком, и, вырвавшись из тесноты горных ущелий, привольно разливалась на степных просторах. Во время таяния снегов в горах река бурлила

и кипела, словно суп в горшке, перемалывая в щепки вырванные с корнем деревья, перекачивая огромные каменные валуны, швыряясь галькой и безжалостно заглатывая и унося все на своем пути, включая людей и животных. Оказаться в воде в такое время означало верную смерть. К концу лета река сильно мелела и перебраться через неё вброд, не замочив волос на голове, могли даже дети. Большую воду люди отводили и сохраняли в целой сети водохранилищ, устроенных вдоль русла реки. Её использовали для полива. Плодородные степные почвы позволяли выращивать по два урожая в год. Водохранилища тоже находились в ведении смотрителя дорог и мостов.

Сейчас, в начале лета, река никак не могла обмелеть. Это было странно и непонятно. За этими размышлениями и застал Абрама подоспевший, наконец, Балаш.

«Что ты видишь?» – прервав движением руки поток извинений и объяснений помощника, спросил Абрам.

Парень заткнулся на полуслове и посмотрел вниз: «Река обмелела. Но почему? Ещё рано, лето только началось».

«Вот это мы с тобой и должны выяснить,» – задумчиво сказал наставник.

«Мастер,» – почтительно обратился к смотрителю неслышно приблизившийся посланец правителя. – «Вас просят немедленно прибыть в дом верховного правителя». Выполнив поручение, посланец учтиво поклонился и исчез также незаметно, как и появился.

Удивительное дело, но ничего в этом городе не происходило без ведома правителя. У этого человека глаза и уши, похоже, были повсюду. Он был в курсе всего происходящего в городе, а многое случалось именно так, а не иначе по его воле. Конечно, должность эта была выборная, но на практике превращалась в пожизненную, если верховный правитель хорошо делал свое дело. Нынешний (в этом сходились во мнении большинство горожан) был лучше многих прочих. При нем исправно латали дороги, зажигали уличные фонари по ночам, ловили разбойников, процветала торговля, не росли поборы с горожан. А то, что и свой карман он не обделяет, так куда ж без этого. Главное – знать меру.

«Надевай ботинки, Балаш. Идем,» – поторопил юношу Абрам.

Парень был в восторге. Мало того, что его не ругали за опоздание, так еще попадет в дом верховного правителя в первый же день работы. На деле все оказалось не так радужно. Балаш не попал дальше первого конюшенного двора, где ему велели дожидаться смотрителя, новые ботинки немилосердно натерли ноги, а в животе раздавалось недовольно-голодное урчание, ведь ни завтрака, ни обеда сегодня не случилось. Растянувшись прямо на земле, в тени старого каштана и скинув ботинки, парень заскучал. Но ровно до того момента, пока во двор не въехала всадница.

Породистая, как и ее черногривая кобылка, красавица с гордо вздернутым прямым носиком была тонкой, гибкой, с изящными щиколотками и узкими запястьями. Грациозную фигурку плотно облегал ярко-синий костюм для верховой езды. Закрученные на макушке смоляные кудри открывали тонкую длинную шейку. Ах, какая штучка! Балаш, не стесняясь, нагло рассматривал девушку во все глаза. Смерив парня надменным взглядом, она бросила поводья конюху, угостила свою любимицу кусочком морковки и ушла во внутренний двор. Конечно, Балаш знал, кто она такая. Кениша – единственная дочь правителя. И не было никаких шансов, что она когда-нибудь узнает его имя. Добиться внимания такой девушки было также нереально, как научить зайца играть в кости. Но помечтать то можно.

Вскоре из внутреннего двора показался озабоченный смотритель.

«Балаш, завтра утром мы с тобой отправляемся в экспедицию. Прихвати теплый плащ и провизии на несколько дней. Встретимся здесь, как только начнет светать. Лошадей возьмем в конюшне правителя. И не опаздывай. Ни в коем случае,» – сурово погрозил пальцем Абрам.

Путешествие! Вот это да! День снова стал прекрасным. С трудом сохраняя серьезное выражение лица, Балаш утвердительно кивнул в ответ на слова наставника. За воротами они разошлись в разные стороны.

К следующему рассвету уровень воды в реке упал уже на три четверти. Река разделилась на несколько небольших потоков, каждый из которых мог перепрыгнуть и ребенок. Ситуация была катастрофической. Если в реке не будет воды, то не наполнятся водохранилища, нечем будет поливать созревающий урожай, и он погибнет под палящим солнцем. А значит, жителям полуострова грозит голод. Даже Балаш был непривычно хмур и серьезен, когда они переезжали старый каменный мост утром следующего дня. Пришпоривая неказистую лошадку голыми пятками, он старался не отставать от Абрама.

Озабоченный правитель отправил с ними своего человека. В городе поговаривали, что Азар был сыном верховного правителя, рожденным неизвестной женщиной еще до того, как он заключил весьма выгодный брачный союз с матерью Кениши, породнившись с одним из самых богатых семейств в городе. И уж совершенно точно он был его правой рукой. Рослый, плечистый, с шапкой угольно-черных выющихся волос, такой же высокомерный и гордый красавец, как и его возможная сестра, Азар был предметом томных вздыханий многих городских девушек. Тем более, что, будучи всего на несколько лет старше Балаша, женат он не был. Если бы верховный правитель мог передавать свою должность по наследству, то Азар, без сомнения, был бы первым претендентом на нее.

Выехав из города, всадники направились вдоль русла реки. Полуденный солнцепек переждали в тени, но огня не разводили, перекусывая всухомятку каждый своей снедью. Торопились. Балаша давно тянуло побродить по полуострову: посмотреть, как люди живут, добраться до отрогов Радужных гор, увидеть высохшее соленое озеро, откуда в город мешками привозили розоватую соль, и окаменевший древний лес, и ядовитую Черную трясину, тянущуюся на сотни лиг между полуостровом и едва виднеющимся в голубоватой дымке материком, смертельную для любого живого существа, кроме ядовитых змей, а может быть одним глазком взглянуть и на запретные земли. Но сегодня желанное путешествие не радовало.

За неделю пути вдоль русла реки не случилось ровным счетом ничего. Путники почти не разговаривали. Напуганные фермеры приглашали их разделить немудреную еду, гостеприимно предоставляли для ночевки свои сеновалы и наполняли их дорожные сумки свежими огурцами. Протянувшиеся цепочкой водохранилища были почти заполнены, как и должно быть в это время года, в реке же воды почти не было. Солнце пекло немилосердно. Показавшиеся вдали силуэты Радужных гор расплывались в полуденном мареве. Река начала извиваться, как змея и петлять между холмами, которые становились все выше и выше, пока, наконец, не ввинтилась в узкое ущелье меж двух почти отвесных скал. Дальше пути не было. Начинались запретные земли, куда людям ходу не было.

Балаш был разочарован. В Радужных горах вовсе не оказалось ничего радужного: обычные серо-коричневые унылые скалы, как и та, на которой он живет. Почему их так называли? Абрам же пребывал в растерянности потому, что поездка их оказалась бессмысленной. Понять, что случилось с рекой так не удалось. Но ведь нельзя просто развернуться и уехать, нужно выяснить, куда ушла вода. Но и на запретные земли, откуда брала начало река, ступать было нельзя. Табу. Эту аксиому жители полуострова впитывали с молоком матери.

Так и не придя ни к какому решению, расположились на ночлег прямо у подножия скал, разведя костер и завернувшись в теплые плащи. В предгорье ночью было зябко. Несмотря на усталость, почему-то всем не спалось, смутное беспокойство будто витало в воздухе, вызывая тревогу и отгоняя сон. Покрутившись с боку на бок, путники вновь собрались у костра. Настоятельно глядя в темноту, Азар вынул из ножен и положил рядом с собой кинжал с обоюдоострым лезвием.

«Утром я поднимусь вверх по ущелью и, если понадобится, дальше. Вы будете ждать здесь,» – неторопливо сказал Абрам. Чувствовалось, что его решение продумано, окончательно и обсуждению не подлежит. Балаш поёжился. Идти в запретные земли? Ему уже здесь страшно, хотя он и старается изо всех сил не подавать вида.

«Нет,» – решительно и спокойно ответил Азар. И, отметая взмахом руки возможные возражения, добавил: «Мы пойдем вместе».

«Тогда и я пойду,» – мгновенно позабыв о страхе и думая лишь о приключениях, всколыхнулся Балаш.

«Нет. Ты останешься с лошадьми,» – также решительно и спокойно припечатал его к месту Азар, словно таракана походя прищипнул. – «Будешь ждать пять дней. Если мы не придем, вернешься в город».

«Я тебе что, мальчишка? Раскомандовался, ты мне не наставник,» – вспыхнул Балаш. Много дней сдерживаемая неприязнь вылилась наружу, как смердящие помои из ведра.

«Именно мальчишка. Вспыльчивый и вздорный. Делай, что тебе говорят,» – высокомерие сквозило в каждом слове Азара, распаяя юношу еще больше. Абраму стоило большого труда прекратить эту нелепую стычку.

Дождавшись рассвета в мрачном молчании, Абрам и Азар налегке тронулись в путь, идя прямо по обнажившемуся дну реки. Насупленный Балаш остался с лошадьми. Он решил разбить лагерь в некотором отдалении от скал, в тени деревьев. Здесь была трава для лошадей и дрова для костра. А главное – мурашки не бегали по коже, как вблизи скал. За день Балаш совершенно извелся от беспокойства и неизвестности, но бессонная предыдущая ночь дала о себе знать и парень уснул у костра, завернувшись в плащ. Проснулся он от какого-то неясного далекого грохота и гула, будто вдали за горизонтом бушевала гроза или показывало свою ярость и неукротимость море, швыряя на берег волны размером с дом. Но на небе не было ни облачка. Вода, осенило Балаша. Конечно, это река. Гул приблизился, усилился, земля под ногами мелко задрожала. Расширенными от ужаса глазами Балаш наблюдал, как из ущелья вырвался водяной вал, крутя в водовороте валуны и прокатился точь-в-точь по месту их вчерашней стоянки. Вырвавшись из теснины ущелья, волна опала, растеклась, частично потеряв свою силу и мощь, и продолжила бег по руслу реки мимо ошарашенного парня. Напротив того места, где он стоял, из воды высунулась рука, а потом и голова человека, судорожно пытающегося глотнуть воздуха и удержаться на плаву. Не раздумывая ни секунды, Балаш вскочил на лошадь и погнал ее вслед за потоком.

План созрел мгновенно. Нещадно втыкая в бока лошади босые пятки, он на ходу снимал рубашку, стараясь не потерять из вида человека. В удобном месте Балаш кубарем скатился с лошади и, намотав на руку повод, рванул в воду, одновременно выкидывая как можно дальше другую руку с крепко зажатой в кулаке рубашкой. Вода немедленно сбила юношу с ног и потащила с собой. Однако его маневры не остались незамеченными. Совершив нечеловеческий рывок, утопающий схватился за свернутую жгутом рубашку. Теперь все зависело от лошади. В ужасе она пятилась от разъяренного потока, потихоньку подтаскивая к берегу людей. Нашупав ногами дно, Балаш, как мог, помогал ей. Азар (теперь было понятно, что это именно он) держался из последних сил.

Оба молодых человека долго лежали на берегу, отплеывая мутную речную воду, не в силах пошевелиться. Потом, не без труда взгромоздив раненого Азара на лошадь, двинулись в лагерь. Похоже, у него была сломана рука, несколько ребер, разбита голова и содрана до мяса кожа в нескольких местах. Удивительно легко отделался. Абраму повезло меньше.

Напарники пробирались вверх по ущелью целый день, так и не найдя ответа на свой вопрос. С наступлением темноты устроились на ночевку прямо между камней. В ущелье было темно, хоть глаз выколи. Черные тени от скал пожирали, казалось, даже лунный свет. Поэтому Азар и сам толком не понял, что произошло. В какой-то момент уже перед рассветом, когда

непроглядная темнота вокруг незаметно начала бледнеть и растворяться, огромный камень упал точно на грудь спящего Абрама, смяв ее, точно гнилое яблоко. Что-то хрустнуло, всхлипнуло, Абрам дернулся и затих. Он умер во сне, даже не успев понять, что произошло. Почти сразу же совсем рядом что-то загрохотало, земля под ногами затряслась, мелкие камушки ручейками осыпались с окрестных склонов. Азар успел вскочить на ноги и взобраться на несколько шагов вверх по склону, потому и остался жив. Вода слизнула его с камней и потащила вниз по ущелью. Оказавшись в воде, Азар изо всех сил пытался оставаться наверху, а река несла его, будто невесомую щепку. Если бы он остался рядом с Абрамом, то уже был бы мертв.

Пока Балаш, как умел, промывал раны и сооружал из коры деревьев лубок для сломанной руки, вода в реке снова исчезла. Чудеса, да и только.

«Ты спас мне жизнь,» – негромко сказал Азар. – «Я твой должник».

«Сочтемся,» – буркнул Балаш. – «Я иду в ущелье. Вы почти добрались до разгадки. Вода была где-то рядом. Продержишься тут один?»

«Возьми лошадь, так будет быстрее. Если услышишь шум и грохот, брось ее и залезай так высоко, как сможешь,» – вместо ответа сказал Азар. И чуть помедлив, добавил: «Удачи, друг».

Балаш не торопил лошадь. Пока она, осторожно ступая, перебиралась по камням, он внимательно осматривал ущелье. Камни еще были мокрыми, четко отмечая уровень взбесившейся воды. Попавшееся через пару часов пути нагромождение валунов он обошел, ведя фыркающую и сопротивляющуюся лошадь в поводу. Успокоительно похлопывая ее по шее, Балаш обо что-то споткнулся и упал, ободрав руки об острые камни. Огромная мохнатая лапа лежала, вытянувшись поперек пути, другая обнимала один из валунов. Их обладатель – покрытый шерстью с ног до головы великан, признаков жизни не подавал. Видимо, и его унес поток воды, но он сумел зацепиться за эти камни. Ужас мгновенно сковал Балаша, тело онемело. Лошадь, пользуясь случаем, вырвала поводья из рук и убежала вверх по ущелью. Но существо, кем бы оно ни было, не шевелилось, безвольно привалившись к камням. Широкие плечи, массивная спина, мощные ноги, толщиной с фонарный столб, длинные руки (или все же лапы?), грязно-бурая шерсть. Вот только лица не видно. Любопытство взяло вверх над осторожностью. Балаш пытался заглянуть и так, и эдак. В конце концов взобрался на валун и посмотрел сверху. Да это не лицо, это скорее морда: низкий покатый лоб, сильно выдающаяся вперед челюсть, но шерсти нет. Кого-то она ему напоминает? Конечно! Если повязать платок, то вылитая старуха Будур получится.

Кто это такой? Неужели йорг? Тот самый йорг, которыми до сих пор пугают детей? Значит, они и вправду существуют? Балаш не знал, что и думать. Разумеется, он с детства слышал предания об изгнании, о могущественных йоргах, которые стогнали людей, как скот, на полуостров, заставив бросить насиженные места. Страх, которого натерпелись тогда люди, передавался из поколения в поколение, запретные земли стали таковыми на столетия. Конечно, находились смельчаки или безумцы, отправляющиеся туда, но никто из них не вернулся обратно. Но все это было так давно, что казалось лишь сказкой, такой же, как рассказы о людях с рыбьими хвостами или собачьими головами. Кем бы ни было это чудовище, оно, кажется, мертво. В любом случае, надо идти дальше. У него есть дело.

Лошадь не убежала далеко. Массивный каменный обвал, высотой в две трети окружающих скал, перегородил ущелье. Кое-где между камней просачивалась вода. Это было все, что осталось от реки. Балаш поймал лошадь, зацепил поводья за каменную глыбу и придавил их камнями, чтобы она снова не убежала. А сам полез наверх. Камни были навалены беспорядочной кучей, поэтому подъем был довольно пологим. Тем не менее Балаш изодрал в кровь колени и руки, порвал рубашку прежде чем, тяжело дыша, забрался наверх. И замер, забыв обо всем на свете, даже как дышать.

Перед ним раскинулось озеро. Изумительно прозрачная, дрожащая мелкой рябью вода заполняла узкое ущелье, совсем немного не доходя до края обвала. В дальнем его конце с

отвесной скалы струился водопад. В лучах заходящего солнца водяные брызги блестели и переливались всеми цветами радуги, создавая вокруг водопада мерцающую арку. Скалы, обрамляющие ущелье, походили на разноцветный слоеный торт, который Балашу однажды довелось попробовать. Будучи еще детьми, они с друзьями стащили такой у нерадивого кондитера и съели, спрятавшись под старым мостом, облизывая в полном восторге грязные пальцы. Ничего вкуснее в своей жизни Балаш не ел. Алые, песочные, оранжевые, серо-голубые и бежевые слои, причудливо чередуясь и переплетаясь, вздымались вертикально вверх на одной скале, лежали горизонтально на соседней и обвивали кольцом третью. Словно ребенок, учась рисовать, проводил неуверенной рукой линии цветными мелками. Встав во весь рост, Балаш видел макушки разноцветных гор насколько хватало глаз. Так вот почему горы названы Радужными! Поистине, это – настоящее чудо. И никто, кроме него, этой красоты не видел – запретные земли. Солнце садилось, и тьма неумолимо поглощала красоту. Первым исчезло ущелье, погрузившись в ночной мрак, последними – верхушки самых высоких гор.

Балаш не стал спускаться вниз. В темноте это было бы самоубийством. Да и очень хотелось полюбоваться на окружающую красоту еще раз, на рассвете. Привалившись спиной к камням, он задремал. А когда открыл глаза, солнце только-только посеребрило макушки гор. Отступающая темнота шаг за шагом обнажала радужное великолепие. Любоваться им можно было вечно, но пора было двигаться в обратный путь.

Лошади внизу не оказалось, только некоторые ее части: оторванная голова с выражением ужаса в выпученных глазах, передние ноги, еще какие-то ошметки, огрызки и обломки обглоданных костей, да лужа свежей крови на камнях. Не чуя земли под ногами, понесся Балаш вниз по ущелью. Сейчас он мог посоперничать в скорости с горным потоком. Паника билась в его голове, будто медный колокол, ужас, накатывая волнами, подталкивал в спину. Но, оказалось, что может быть и еще страшнее. Добежав до нагромождения валунов, где лежал мертвый великан, Балаш обнаружил, что его там нет. Значит, он был жив все это время, просто нахлебался воды и лишился чувств, ударившись о камни. Наверняка, это он разорвал лошадь и до сих пор бродит где-то здесь. Страх навалился с новой силой, поднимая волосы на голове, щекоткой разливаясь в животе, делая ватными ноги. Бежать, бежать отсюда как можно скорее. Только эта мысль билась в голове молодого человека. И он бежал, постоянно оступаясь и падая, ничего не замечая вокруг и ничего не соображая. Выскочив из ущелья уже в сумерках и пробежав по инерции почти до стоянки, обессиленный парень, наконец, остановился.

Пребывающий в страшном беспокойстве Азар уже ковылял навстречу. Совершенное безумие в глазах Балаша напугало его не меньше, чем горный поток, переломавший ему кости.

«Я нашел. Нашел. Огромный обвал завалил русло реки. В ущелье образовалось целое озеро, но вода понемногу просачивается. Думаю, когда мы слышали грохот, это был еще один обвал. Камни упали в воду и часть ее выплеснулась из озера, смыв и тебя, и...» – Балаш запнулся. – «Озеро скоро наполнится до краев, вода перельется через обвал и снова потечет по руслу реки».

«Так река вернется?» – услышал главное Азар.

«Да. Думаю, да. Но может случиться так, что вода разрушит вновь созданную плотину. И тогда она выплеснется из озера вся разом. Чудовищной силы поток обрушится на город, смывая все на своем пути. Это будет катастрофа,» – продолжил Балаш. Даже самому себе он не мог бы ответить на вопрос, почему не рассказал тогда ни Азару, ни кому-нибудь еще о йорге.

Прокатившаяся по руслу реки волна не наделала больших бед, дойдя до города ровным мутным потоком. Но тело Абрама так и не нашлось.

Первая встреча.

Путешествие было долгим и заняло много лунных циклов, но далось Уруму без труда. Йорги вообще легко перемещались на большие расстояния, передвигаясь пешком, не спеша, с легкостью переплывая озера и крупные реки. Если река текла в попутном направлении, то сооружали немудреный плот из нескольких скрепленных вместе ивняком поваленных деревьев и плыли, сидя на плоту. Замерев неподвижно, как истуканы, любовались красотами неспешно меняющегося пейзажа.

Урум прожил большую часть жизни в лесу, поэтому с восторгом и некоторой робостью взирал на бескрайние степные просторы с редкими рошицами лиственных деревьев. В высокой траве прятались невиданные им ранее живые существа. Семейства мелких грызунов с глазками-бусинками вылезали из нор и, сложив передние лапки на животе, забавно замирали столбиками, провожая его взглядом. Стада пугливых, некрупных, рыжеватых антилоп с маленькими полосатыми рожками и уродливо-горбатыми носами-хоботками были неисчислимы. Между ними, покачиваясь из стороны в сторону, вальяжно расхаживали двугорбые длинношеие существа, высокомерно поглядывая сверху на суетящихся антилоп. Несмотря на изрядный размер и крепкие копыта, опасности они не представляли. А вот туры с острыми, загнутыми вперед рогами нрав имели злобный и нападали при первых признаках опасности первыми. Шустрые степные лошадки отгоняли хвостами прилипчивых насекомых. На вкус хороши были все. За долгую дорогу Урум успел поохотиться.

Были и хорошо знакомые Уруму существа: остроухие, увлеченно мышковавшие, лисички, осторожные степные волки. И те, и другие были меньше своих лесных собратьев. Богатые степные травы полностью скрывали их. В безоблачном небе свободно раскинув крылья, парили орлы и другие хищные птицы, поменьше, выслеживая зазевавшихся сурков и сусликов.

Монотонный равнинный пейзаж уже успел надоест Уруму, когда земля вокруг начала вспучиваться холмами, сначала лысыми и маленькими, потом большими и заросшими деревьями. Вдали показались горы. Со слов старика Мууна человеческое городище находилось у подножия Радужных гор на берегу озера, в трех днях пути в сторону захода солнца от спускавшейся с гор бесноватой, бьющейся о камни реки. Река была особенной, не похожей на другие речушки, стекающие с гор. Вода в ней была насыщена растворенными минералами и имела весьма своеобразный привкус. По этому признаку ее можно было отличить от прочих. Уруму понадобился полный лунный цикл, чтобы найти это место.

Лес почти поглотил его, покрыв сплошным ковром растительности расчищенное когда-то людьми пространство. Стволы деревьев толщиной с ногу мамонта высились среди разрушенных уродливых строений, руша и сминая их, превращая в бесформенные груды камней, постепенно врастающие в землю. Урум приуныл. Найти здесь что-нибудь вроде статуэтки Мууна казалось нереальным. Наудачу он раскидал несколько каменных куч, найдя лишь сгнившие остатки деревянных предметов непонятного ему назначения, да распугав мокриц. Стоило остановиться и поразмышлять.

Урум присел на берегу озера, любуясь его живописными, сплошь заросшими берегами под мелодичный плеск волн. Почерневшие обрубки стволов, торчащие из зарослей ежевики, колючей волной покрывающих небольшую полянку, привлекли его внимание не сразу. Было в них что-то неестественное. Конечно же! На них были вырезаны лица: скорбное – с опущенными вниз уголками полуприкрытых глаз и губ; суровое – со сдвинутыми широкими бровями и плотно сжатыми губами и нежное, широко распахнувшее очи, с мягкой, доброй полуулыбкой на устах. Дерево почернело, глубокие трещины избороздили его вдоль и поперек. Но даже это не портило впечатления. Лица были вырезаны так мастерски, так точно передавали эмоции,

что Урум без труда прочитал их. Казалось бы, все так просто, всего лишь линии, вырезанные на дереве. Но Урум точно знал, что сам сделать подобное не в силах.

Деревянные истуканы подбросили дров в давно разгоревшийся огонь любопытства молодого йорга. Хотелось увидеть что-нибудь еще, сделанное человеком, да и самих людей тоже. Со времен изгнания прошло много лет, возможно за это время люди научились создавать еще более прекрасные вещи. Граница владений йоргов проходила совсем рядом, по другую сторону Радужных гор. Быть может, удастся взглянуть одним глазком на людей и их творения? Урум обошел озеро и решительно направился в горы.

Йорги были одиночками. Они свободно расселились по всей известной земле по одному, либо небольшими семейными группами, не обременяя друг друга излишним общением и с уважением относясь к личному пространству сородичей. На границах с человеческими землями всегда жили стражи, отпугивая излишне любопытных людей и не допуская их проникновения в запретные земли. Появление Урума в горах не осталось незамеченным. Нума – нынешний страж Радужных гор, нашла молодого йорга, безмятежно сидящего на выступе скалы и с безмолвным восторгом взирающего на слоеную многоцветность скал. О своеобразной красоте Радужных гор Урум был наслышан, но нереальность диковинного пейзажа поражала до глубины души. Нума разделила его восторг и ушла, попросив приглядывать за границей. За десять лет, проведенных ею здесь, людей она видела лишь издали. Никто не тревожил её покой.

Урум с жадным любопытством пожирал глазами полосу поросших лесом холмов – человеческие земли. Следом за ними тянулась уже знакомая ему степь. Единственная река, стекавшая с гор по эту сторону, делила тоскливые степные просторы надвое и немного оживляла пейзаж. Больше глазу зацепиться было не за что, человеческих поселений близ гор не было. Произшедшего в ущелье обвала Урум не видел, лишь слышал смутный грохот, был слишком далеко. А, вернувшись, обнаружил, что река почти исчезла.

Люди тоже не оставили этот факт без внимания. Они явились через несколько дней и расположились прямо у подножия скал. Из-за ярко горящего костра они почти ничего не видели вокруг. И Урум смог подойти очень близко, с любопытством разглядывая людей. Если бы не беспокойно фыркающие и настороженно прядяющие ушами лошади, он мог бы стоять за их спинами и оставаться незамеченным. Невысокие, едва достающие йоргу до груди, щуплые, малосильные, с плохим зрением и, похоже, напрочь отсутствующим обонянием, с телами, лишенными шерсти, но полностью прикрытыми чем-то, чему Урум не смог подобрать названия.

На рассвете двое из них, не колеблясь, нарушили границу и углубились в запретные земли. Люди уверенно поднимались вверх по сумрачному ущелью. «Ищут реку,» – понял Урум. И они почти нашли ее, только опустившаяся темнота помешала их планам. Йорг наблюдал за людьми сверху, оставаясь незамеченным. Он не мог позволить им и дальше безнаказанно находиться в запретных землях. Поэтому, не колеблясь, сделал то, что должен был. Дождавшись, когда незваные гости затихли, завернувшись в плащи, он нашел подходящего размера валун и, бесшумно подкравшись, опустил его точно на грудь одного из людей. Обвал камней в озеро произошел как раз в тот момент, когда он поднимал следующий подходящий камень. Стена воды обрушилась прямо на плечи Урума, оглушила, сбила с ног, закрутила, потащила вниз по ущелью и, изрядно побив головой о камни, бросила, словно надоевшую, поломанную игрушку, умчавшись дальше.

Урум пришел в себя уже в сумерках. Болело все, тело разламывалось и распадалось на части, как сгоревшее полено в костре распадается на угли, перед глазами плыли и множились скалы ущелья. Крепко сжав голову руками, Урум безуспешно попытался соединить прыгающие изображения в одно настоящее и побрел вверх по ущелью. Там его ждал сюрприз. Стадо беснующихся, испуганных лошадей жалось к каменному обвалу в напрасных попытках избежать встречи с ним. Урум бросился на ближайшую лошадь и плашмя растянулся на камнях.

Руки прошли сквозь пустоту. «Она одна. Лошадь только одна,» – дошло до йорга. – «Но которая из них настоящая?» Понять это было невозможно. Широко расставив руки и покачиваясь из стороны в сторону, Урум ловил всех подряд, пока несчастное животное не встало на дыбы и не впечатало копыто прямо Уруму в лоб. После этого самым чудесным образом все стадо лошадей вдруг соединилось в одну, которую он без труда и поймал. Ударом руки йорг сломал лошади хребет и разорвал зубами шею. Горячая кровь потекла по подбородку, он пил и не мог насытиться. словно сама жизнь вливалась в его израненное тело. Потом Урум сожрал сердце и печень, оторвал ноги и голову, а остальную часть туши из последних сил потащил вверх, решив отлежаться некоторое время в укромном местечке повыше.

Утром он увидел внизу человека, тот бестолково вертел головой, разглядывая останки лошади. Урум глубоко вздохнул, успокоил сердцебиение, сосредоточился и обрушил на человека волну дикого, необъяснимого, беспричинного, животного ужаса. Такого ужаса, от которого разрывается сердце у оленя, окруженного со всех сторон лесным пожаром, или загнанного до изнеможения стаями обступивших его волков. На несколько мгновений страх пригвоздил человека к месту, а потом он опрометью бросился бежать, падая и не разбирая дороги.

Рисунок.

Вода вернулась в город спустя несколько дней после возвращения Балаша и Азара. Река набухла быстро прибывающей водой, ускорила свой бег, расплескивая излишки на поворотах, и наполнила русло, как прежде, под радостный рев собравшейся по берегам толпы. Балаш тоже стоял в толпе взволнованных горожан, опираясь на парапет старого моста. Собственное предсказание о возвращении воды, сбывшееся к огромной радости жителей города, оставило его спокойным и невозмутимым. Горячность, импульсивность, бесшабашность и беспричинное взбалмошное веселье, прежде столь свойственное юноше, погасли, словно залитые водой угли костра, уступив место задумчивости. Смерть Абрама и встреча с йоргом оставили неизгладимый отпечаток в его душе. В тот же день его пригласили к правителю.

И на этот раз все было иначе. Слуга встретил его в конюшенном дворе и проводил дальше, во внутренний дворик – весьма просторный, усаженный фруктовыми деревьями, с розовыми кустами, обрамляющими затейливо мощеные камнем дорожки. Правитель принял его в тенистой беседке, сплошь увитой виноградом, что создавало приятную иллюзию прохлады в жаркий летний день, обнял, как старого друга и пригласил разделить с ним кубок вина за беседой. Его проникательный взгляд, казалось, видел юношу насквозь.

Домиар – всесильный и полновластный правитель города, достиг предела своих мечтаний шесть лет назад и с комфортом расположился на городском олимпе. Но на лаврах не почивал, продолжая непрерывно опутывать город своими сетями, вербуя сторонников, подкупая противников, запугивая, угрожая, улещая и обманывая. За свою бурную жизнь он овладел этим искусством в совершенстве. Последнее время Домиара все чаще посещало незнакомое ему прежде чувство. Добившись в этой жизни всего, чего хотел, он заскучал.

Домиар появился в городе двадцать два года назад: изможденный, обессиленный, умирающий от голода и жажды, с таким же измученным двухлетним ребенком на руках. Они пристали к берегу глубокой ночью на лодке с течью в днище и единственной сломанной мачтой. Потом в течении двух суток только пили, ели и спали в убогом домишке приютившей их семьи рыбака. Кто он и откуда, Домиар не распространялся. Люди решили, что из рыбацкой деревушки, коих на берегах полуострова было немало. Путь наверх занял немало времени и потребовал всей хитрости и изворотливости, на которую был способен его ум, вкупе с наглостью и беспринципностью. Шестнадцать лет назад он смог заключить крайне выгодный для него брачный союз с девицей из богатого семейства, репутация которой (не без его помощи) оказалась сильно подмочена, и родственники сочли за благо сбыть её с рук хоть кому-нибудь. Жена принесла ему некоторый капитал и дочь, искренняя привязанность к которой стала приятной неожиданностью для Домиара.

Жители полуострова моряками не были, лишь рыбаками. Домиар же стал первым, кто наладил торговлю с другим человеческим анклавом, процветающим на крупном острове в трех неделях пути по морю. Жители острова перепродавали им изумительной прочности и красоты стальные клинки, которые привозили из-за моря, причудливую тончайшую ткань, невесомую, как перышко птицы и струящуюся, будто прохладная вода, а также россыпи перламутровых жемчужин. В качестве платы получая отборное зерно, запечатанные воском кувшины с вином и горшки с медом. Остров был невелик, на пахотные земли не богат, и растущему населению не хватало продовольствия. Островитяне жили за счет торговли с несколькими человеческими анклавами, обменивая товары одного на товары другого. Занятие это было опасным, каждый год жадное море забирало свою дань жизнями моряков, но прибыльное.

Домиар родился здесь и вырос, промышляя добычей жемчуга. К моменту встречи с Самирой, разрушившей его жизнь, он заправлял целой артелью отчаянных ныряльщиков за жемчугом и процветал. Чувство было столь сильным и взаимным, что препятствием не стал

даже муж Самиры. Отношения влюбленных не были бесплодными, и через положенное время Самира родила сына. Муж прозрел через два года после рождения ребенка, ничуть не напоминаящего его самого. Даже стадо разъяренных носорогов не могло бы сравниться с ним яростью. Домиар, прихватив женщину и ребенка, едва успел бежать на лодке в море. Сильнейший шторм сломал мачту и смыл за борт женщину. В какой-то момент Домиар отчаялся, бросил грести и отдался на волю волн, которые и вынесли их с сыном на чужой берег.

Этого мальчика, слишком крепко двумя руками сжимающего чашу с вином от волнения, он видел насквозь. Похоже, смерть наставника, к которому он был привязан, стала большой потерей для Балаша. Он был серьезен, задумчив, молчалив. Совсем не такой, как ему доносили. Внимательно разглядывая собеседника, Домиар не торопился начинать разговор.

«Я намерен назначить тебя смотрителем мостов и дорог. Думаю, ты справишься,» – бросил пробный камень правитель.

Парень удивленно вскинул глаза, морщинка разделила его брови. «Хорошо,» – только и сказал он.

«Не дурак,» – отметил про себя Домиар. – «Ответственности не боится. Но и выгоду свою понимает». Балаш начинал ему нравиться.

«Выпей вина, друг мой, освежись и попробуй эти сладости. Моя драгоценная дочь очень падка на них. Боюсь, как бы не раздобрела,» – заговорщицки подмигнул он Балашу. – «Ты знаком с Кенишей?»

«Конечно, нет, правитель. Красавицы обычно задирают нос вверх и не замечают, кто там путается под копытами их лошадей,» – отшутился Балаш, тем самым окончательно расположив к себе Домиара. Тот расхохотался, хлопнул в ладоши и велел появившемуся слуге пригласить Кенишу в беседку.

Дома красавица не была такой высокомерной. Она покорно подставила отцу лоб для поцелуя и села рядом. Домиар налил ей чашу вина, разбавленного ледяной водой из кувшина.

«Познакомься, милая, Балаш – новый смотритель дорог и мостов,» – представил он юношу. Чаровница стрельнула глазами в сторону гостя, пожала плечами, словно её это не касается, и потянулась к блюду со сладостями. Она так и не проронила ни слова до конца беседы, лишь изредка исподтишка посматривая на Балаша сквозь полуопущенные ресницы.

Теперь каждый день нового смотрителя дорог и мостов начинался рано и был насыщен до предела. Шутка ли, такая ответственность! Куда подевались ночные дружеские попойки, озорство и далеко не всегда безобидные шалости? Начиная с раннего утра и до позднего вечера Балаш несколько раз в день контролировал уровень воды в реке, каждый раз с замиранием сердца бросая взгляд на опору старого моста, где были сделаны отметки. Он истоптал своими новыми ботинками все мощенные булыжником городские дороги, наметанным глазом отмечая полысевшие места с выщербленными камнями, забитую мусором канавку вдоль дорог, по которой стекали дождевые воды, треснувшую и просевшую ступеньку на каменной лестнице, ведущей к старому городу на скале. С нее он и решил начать, заказав каменотесу изготовить новую. Оплачивала его работу казна. Кстати, самому смотрителю тоже полагалось жалованье, и изрядное для одинокого молодого человека, не обремененного семейством. Обзаведясь тачкой и крепкой лопатой, Балаш методично прочистил канавки для стока дождевой воды, сбросив мусор прямо в реку.

Нынешнее утро выдалось необычным. Вывороченное с корнем дерево застряло меж двумя опорами нового моста. Его пышная крона собирала весь плывущий по реке мусор: ветви деревьев, листья и прочее, образовав уже небольшой островок. Взяв в помощь двух крепких парней из рыбацкой деревни, скинув на берегу всю одежду, кроме штанов и обвязавшись веревкой, которую держали помощники, Балаш полез в воду, вооружившись топором. Вода доходила ему до груди. После получаса усердной работы юноше удалось перерубить ствол дерева,

остальное сделала река, подхватив и унеся его по течению. За деревом послушной стайкой потянулся мусор.

Выбравшись из реки и отфыркиваясь от грязной воды, как лошадь, Балаш поднял глаза вверх. Она стояла на мосту, точнее сидела на лошади. Грудь её вздымалась, мелкие жемчужные зубки обнажились в хищной полуулыбке. В высокомерном, как обычно, взгляде Кениши сквозило что-то новое, откровенное. Такое выражение лица бывает у охотника, примеривающегося в одиночку завалить свирепого дикого тура. Мокрому, полуголому Балашу стало не по себе. Сейчас он чувствовал себя добычей. И в то же время по чреслам теплой волной разливалось желание. Ох недолго ему быть в фаворе у правителя! Оторвет он ему голову за такие взгляды на любимую дочь. Надо держаться от нее подальше.

Городской торг шумел каждый день с раннего утра, бывая наиболее оживленным по праздникам. Тысячи ног топтали мощеную булыжником городскую площадь, стирая подметки добротных кожаных ботинок, шегольских дамских туфелек с затейливыми пряжками на цокающих каблукках, стоптанных до дыр старых сандалий, а то и просто босыми пятками. Сотни глоток орали на все лады, расхваливая свой товар. Сварились с покупателями торговли зеленью, стараясь сбыть увядшие еще вчера пучки салата; нежно благоухали цветочницы; степенно и неторопливо резали тяжелые головки круглого, желтого, ноздреватого сыра дородные молочницы; зубоскалили язвительные торговки рыбой, варя тут же в большом котле рыбную похлебку для бедняков из отрубленных рыбьих голов да прочих остатков. Стоило только какому-то бедолаге попасться на острые языки этим ядовитым бабам, как они перемывали все кости ему самому и всем родственникам до седьмого колена. Тут же вертелись вездесущие тощие собаки и вороватые, много раз битые, облезлые коты, отогнать которых не было никакой возможности. Прежде Балаш и сам часто завтракал этой похлебкой – густой и наваристой, лучшим средством прийти в себя после вчерашней попойки.

Дурманивший запах свежего хлеба расплзался из хлебных рядов. Тяжелые, круглые подошвы хлеба, воздушные пшеничные булки, витые крендельки, посыпанные сахаром и корицей плюшки, поджаристые бублики, пирожки со всякой всячиной: от требухи до свежих ягод, ватрушки. Отсюда редко уходили без покупки.

Сотни пчел вились над сладкими рядами, распуская покупателей. Горки печатных пряников, сочащихся маслом вафель, орехи в меду, засахаренные фрукты, леденцы на палочках и многое прочее манили к себе и уличных мальчишек, которые нанимались за небольшую мзду отгонять опахалами из птичьих перьев надоедливых пчел, умудряясь сунуть за щеку орех или лимонную конфетку всякий раз, когда хозяин лотка терял бдительность. Убытку от их работы было больше, чем проку. Балаш тоже подвизался на этом поприще в свое время.

Суровые мясники в окровавленных передниках сверкающими на солнце топорами рубали свиные туши, вызывая невольное уважение среди зрителей точностью и силой удара. Все мясники были здоровыми мужиками, за одним исключением. Здесь держала лавку старуха Будур. Управлялись они вдвоем с внучкой – рослой (но едва достававшей до плеча бабке), сильной, ладно скроенной, с толстой рыжеватой косой до пояса, чертами лица напоминавшей бабку, но все же несравненно более миловидной. Если у кого и возникала охота приударить за ней, несмотря на звероподобную грозную родственницу, то пропадала она в тот же миг, когда метким ударом топора Умила отсекала голову очередной свинье. С такой не полюбезничаешь, по круглому задку походя не хлопнешь. Запросто отрубит руки, как свиные уши. А иначе охотники, конечно, нашлись бы.

Стопки глиняных мисок от дорогих, искусно расписанных, до простеньких, без всяких украшений высились в гончарном ряду, словно стопки блинов на столе у хорошей хозяйки по праздникам.

Пузатые сосуды с дорогим вином выпирали круглыми боками из-под прилавков, дешевое разливали тут же из деревянной бочки: хоть в чашу, хоть сразу в рот. Здесь отиралось много опустившихся, жаждущих дешевого пойла, которое они даже водой не разбавляли. Дикари. Здесь проводил большую часть дня старый пьяница Марко, когда ему удавалось немного заработать, сидя в тени платана и с жаром обсуждая что-то с такими же забулдыгами.

В крытых рядах было потише. Обычные покупатели совались сюда разве что поглазеть. Товар здесь был дорогим, заморским: диковинной формы подсвечники и серебряные блюда, зеркала в причудливых массивных рамах, струящиеся тончайшие ткани, искусной работы украшения и конская упряжь, лучшее оружие. Хозяева лавок безжалостно гоняли отсюда мальчишек, могущих повредить, а то и спереть дорогой товар.

В лавку травника ручейком вливался поток страдающих разными недугами, нерешительно мялись у порога мужчины, жаждавшие прибавления мужской силы, крадучись проскальзывали после закрытия примерные жены, подхватившие дурную болезнь от лихого иноземного моряка, которого уже и след простыл.

Гомонящая разношерстная толпа редела после полудня, оставляя горы мусора. Смотритель рынка – шумный, горластый Ефим, сбиваясь с ног бегал и ругался с каждым торговцем, заставляя унести с собой нераспроданные остатки, гниющие фрукты и овощи, горы рыбьих костей и прочий хлам. В его обязанности входило содержать городской торг в порядке, выделять места торговцам, наказывать их за обман, обвес и торговлю негодным товаром, назначать и собирать еженедельную плату. Хлебная должность, что и говорить. Столько соблазнов. Но и очень нервная. Предшественника Ефима секли прилюдно на той же торговой площади за воровство не так давно. После чего языкатые торговки рыбой не упускали случая поглумиться над новым смотрителем рынка, призывая дубить ягодицы заранее. Ефим тоскливо вздыхал и грустнел с каждым днем.

Здесь на торге вечером в таверне и встретились Балаш и Азар. Они не виделись после возвращения. Балаш зашел пропустить чашу прохладного вина после трудового дня, он с удовольствием устроился на скамье, вытянул гудящие ноги и огляделся по сторонам. Старый пьяница Марко, пытавшийся заработать на выпивку, немедленно пристал к нему, желая нарисовать портрет. Когда-то Марко был неплохим рисовальщиком и даже был знаменит, но давно пропил свой талант. Руки его дрожали, глаз стал неверен. Перебивался он, рисуя портреты жен и дочек приехавших на торг фермеров, теща самолюбие и тех, и других. От портрета Балаш решительно отказался, но угостил Марко чашей вина, чтобы тот отвязался.

Толстый, обманчиво неповоротливый хозяин таверны Анри укоризненно покачал головой: «Иди, Марко, не приставай к клиентам. Тебе сегодня уже достаточно выпивки.» С недавних пор он стал привечать Балаша, лично принося ему вино и еду. Юноше это было приятно. Хотя, возможно, Анри просто оценивал шансы сбыть с рук свою лупоглазую, многопудовую дочку, постоянно ошипывающую кур на заднем дворе.

Азар сидел в таверне в шумной компании молодых людей и девушек и подошел поприветствовать его. Сломанная рука все ещё была в лубке, но во всем остальном он был щеголем, как обычно: рубашка дорогого полотна, забрызганная вином, тяжелая золотая цепь на шее, поблескивающая в вырезе, дорогой пояс хорошей кожи с массивной железной пряжкой и висающие на нем ножны с тем самым кинжалом, который Балаш уже видел.

«Здравствуй, друг. Присоединяйся к нам. Познакомлю тебя с друзьями,» – с показным радушием пригласил Азар. – «Полезные знакомства тебе не помешают». Недоуменно пожав плечами в ответ на отказ Балаша присоединиться, Азар вернулся к своему столу, по пути умышленно, как показалось юноше, толкнув пьяницу Марко. Тот и так уже едва держался на ногах, а потому, под гогочущий смех компании друзей Азара, кувыркнулся через скамейку и упал под стол, выронив под ноги Балашу папку с рисовальными принадлежностями. Листы

разлетелись по грязному полу. Подобрал ближайший из них, юноша замер, как громом пораженный.

С рисунка на него угрюмо смотрел йорг.

Башня.

Волоча пьянчугу к себе домой (жена его все равно бы не пустила), Балаш едва сдерживал нетерпение, словно хищная птица, несущая в когтях новорожденного ягненка. Марко совсем развезло. Лестницу на скалу он преодолевал по большей части на четвереньках, так и норовя прикорнуть на ступенях. Было понятно, что сегодня с ним не поговорить. Оставив гостя спать прямо на полу, Балаш при свете свечи разглядывал рисунок. Бумага была старой, пожелтевшей, обтрепанной по краям. Без сомнений это йорг, точно такой, какого он видел: покатым лоб, тяжелые надбровные дуги, массивный подбородок, маленькие глазки смотрят со злостью и ненавистью. Где Марко мог его видеть? Был в горах? Когда? Или срисовал картинку из какой-нибудь книги? Тысяча вопросов без ответов, а до утра еще так далеко. Этого пропойцу придется сначала похмелить, а потом расспрашивать.

Поутру Балаша разбудило шарканье, крихтенье, сопенье и тяжелые вздохи ожидаемого мучающегося от похмелья Марко. Приведя его в чувство двумя чашами вина, юноша приступил к расспросам.

«Марко, где ты его видел?» – сунул он под нос блаженно улыбающемуся Марко рисунок. Тот немедленно погрузнел.

«Да нигде не видел. Может, придумал,» – попытался выкрутиться он.

«Врешь,» – спокойно парировал Балаш. – «Потому, что я тоже его видел. Ведь это йорг? Да?»

«Ты? Да ладно. Не может быть. Откуда ему тут взяться?» – уже испуганно спросил Марко.

«Не в городе, конечно. Я видел его в Радужных горах,» – пояснил Балаш.

«Врешь ты все. Коли видел, то был бы мертв, как все,» – хмуро заключил пропойца.

«Но ты то жив. Расскажи мне, Марко. Ты бывал в запретных землях? Когда?» – наседал Балаш, понимая, что надо ковать железо, пока горячо.

Помявшись еще немного и красноречиво поглядев на кувшин с вином, Марко обреченно махнул рукой: «А, ладно. Много лет назад бывал, в молодости. Мы с друзьями хотели мир посмотреть, глупые были. Только я и вернулся».

«А что случилось с остальными?» – не унимался Балаш.

«Йорги случились. Точнее один йорг. Перебил нас всех, как слепых котят».

«А ты как уцелел?»

«Рисовал».

«Рисовал?» – пораженно переспросил юноша. – «Что рисовал?»

«Да все: скалы, речку, птиц, его вон тоже нарисовал,» – мотнул он головой в сторону рисунка. – «Ему почему-то нравилось. Когда бумага кончилась, я нажег угля в костре и рисовал на камнях. Много дней. Пока ему не надоело. Потом он меня отпустил. Уж не знаю почему не убил. Такого страху натерпелся, пока бежал от него,» – закончил печальные воспоминания Марко. – «Налил бы ты мне еще вина, парень».

Мысль о йоргах плотно засела в голове у Балаша, как заноза в заднице у слона. Из Марко вытянуть удалось немного. Йорг, которого он видел,пил теплую кровь только что убитых животных, ел сырое мясо, спал на камнях, одежду не носил, оружия не имел, впрочем, как и любых других вещей. Он был на две головы выше Марко, чрезвычайно силен, человека убивал одним ударом без разговоров и ему нравились рисунки. Если бы не это обстоятельство, то можно было счесть йорга животным. Но животные не способны любоваться рисунками. Значит йорги, они как люди?

Теперь вечера Балаш проводил в городском архиве, испросив разрешение у хранителя рукописей. Прежде об этом и речи быть не могло, но теперь неожиданно возросший социальный статус сыграл ему на руку. Ветхий, словно побитый молнией хранитель рукописей, приложив

к глазу увеличительное стекло на длинной деревянной ручке, долго с сомнением рассматривал молодого человека, почесывая тощую козлиную бородку. Но все же допустил его к своим драгоценным рукописям, предварительно долго, нудно и многократно прося его быть предельно аккуратным.

Первое, что сделал Балаш, попав в хранилище – расчихался под гневным взглядом хранителя. Старинные манускрипты – вещь чрезвычайно пыльная. Осторожно переворачивая ветхие страницы или бережно раскручивая старинные свитки на деревянных катушках под неусыпно наблюдающим за ним бдительным хранителем, он все глубже погружался в историю города. Оказалось, например, что во времена изгнания на полуострове оказались люди, говорящие на разных наречиях. Они с трудом понимали друг друга. Со временем и языки, и люди перемешались, как овощи в салате, образовав нацию, говорящую на едином, общем наречии.

Находился городской архив в каменной башне, построенной когда-то для хранения городской казны, да не оправдавшей возложенных на нее надежд. Ушлые воришки, не жалея времени и сил, прокопали подземный ход и вынесли бы все до последней монетки, если бы своды его не обрушились, похоронив по собой незадачливых грабителей. Но замысел был хорош и масштабен. После этого случая казну перевезли в резиденцию тогдашнего правителя (к хорошо скрываемой радости последнего), а в башне с подмоченной репутацией разместили городской архив. Рукописи уж точно воровать никто не будет.

Обычно сонную тишину в башне нарушало лишь воркование голубей под крышей, да шорох переворачиваемых страниц. Тем неожиданней были звуки скандала, донесшиеся до уха Балаша однажды вечером. Потрясая кулачком, размером с куриную лапку, и надувая впалую грудь, хранитель рукописей, стоя в дверях, пытался не допустить в башню решительно настроенную войти Умилу.

«Тут бесценные рукописи. Тебе здесь делать нечего. Только мясников мне в хранилище не хватало,» – кипятился старик.

Девушка же, насупив брови, то и дело повторяла: «Я хочу знать. Вы не можете меня не пускать».

Оказалось, не одного Балаша интересовала история. Умила хотела знать правдивую историю своей семьи. Правда ли, что в их роду были йорги? В этом она призналась юноше на скамейке под платаном, куда он увел её от башни и от греха подальше потому, как обычно блестящая лысина хранителя рукописей от гнева раскалилась докрасна и даже бочонок ромашкового чая не смог бы успокоить его волнения. Девушка выглядела такой смущенной и раздосадованной, что неожиданно для себя Балаш предложил проводить ее домой.

Удивились оба. Стараясь сгладить возникшую неловкость, Балаш создал еще большую, брякнув, не подумав: «Ты совсем не похожа на йорга. А вот твоя бабка очень даже».

Изумление Умилы было безграничным: «Откуда ты знаешь? Ты их видел? Видел йоргов? Они и правда существуют?» Она схватила юношу за руку и трясла, как грушу, закидывая вопросами. Пришлось признаваться во всем, пока не оторвала. Давно никто не смотрел на Балаша с такой смесью удивления, восхищения, восторга и даже, отчасти, гордости. Это было приятно.

«Не говори никому об этом, Умила. А я поищу в архиве что-нибудь про твою семью. Хорошо?» – закончил свой рассказ просьбой Балаш.

«Хорошо,» – серьезно кивнула девушка. Без топора в руке, окровавленного фартука и угрюмого выражения лица она оказалась очень приятной, даже милой. Иногда она встречала юношу по вечерам, дожидаясь, пока он выйдет из башни. Они бесцельно гуляли по городу, подолгу сидели на мостках пониже мельницы, опустив босые ноги в воду и болтая о всякой всячине. Вот только сдержать свое обещание и найти сведения о семье Умилы Балаш никак не мог. Цель его поисков, впрочем, тоже оставалась недостижимой. Он прочел много интересного обо все на свете, но ни слова о йоргах.

Хранитель рукописей – ворчливый старик, со временем проникся к юноше некоторым уважением, тем более, что Балаш никогда не забывал принести ему кусок мясного пирога или горшочек печеночного паштета. Телесная немощ никак не мешала ему исполнять свои обязанности, тем более, что духом он был крепок, как скала. Кутая свои старческие, вечно мерзнущие мощи в теплую одежду и зимой и летом, он шустро ковылял по башне, переноса с места на место свитки, переплетая разрозненные листочки обветшавших книг или гоняя метлой обнаглевших голубей. Однажды старик сел напротив, внимательно посмотрел на юношу и поинтересовался: «Так, что же Вы все-таки здесь ищите, молодой человек?»

«Что-нибудь о йоргах, хранитель,» – решился довериться ему Балаш.

«Да уж,» – озадаченно пошамкал беззубым ртом старик. – «Ну, пойдем».

Кряхтя и охая, хранитель рукописей поковылял к стене и откинул в сторону лежащую на полу циновку. Деревянная крышка люка с массивным железным кольцом была ему уже не под силу, но юноше далась без труда. Стоило Балашу лишь приподнять крышку люка, как оттуда с утробным урчанием пулей вылетел ошалевший кот. Как он туда попал и сколько просидел запертым, осталось неизвестным. Из подвала пахло пылью и мышами. Вниз вела узкая каменная лестница. Свеча в руке юноши лишь слегка разгоняла мрак, но старик и в темноте уверенно прошелестел до противоположной стены, где на стеллажах стояли несколько обитых железом сундуков.

«Бери этот,» – скомандовал он, показав на самый пыльный, заросший паутиной и опробованный на зуб многими поколениями подвальных мышей. Мохноногие пауки лениво расползались в разные стороны, словно не веря, что их многолетнее надежное убежище потревожили, когда Балаш ухватил неожиданно тяжелый сундук за бока и понес наверх. Внутри оказались несколько свитков из коры белого дерева времен изгнания, накрученных на деревянные катушки. Очень старых. Кое-где береста рассыпалась в прах. Не дыша, Балаш попробовал осторожно развернуть один из них.

«Да не так, глупец. Давай ка я,» – потеснил его старик, бережно берясь скрюченными пальцами за бересту.

Склоняясь над столом и периодически стучаясь лбами, старик и юноша одинаково увлеченно вчитывались в слова чудом сохранившейся древней рукописи. Балаш понимал далеко не все, поскольку написана она была на одном из старинных наречий. А вот хранителю оно было понятно. С каждой строчкой перед ними разворачивалась печальная история изгнания семейства Нетуша из родного леса за Радужные горы. Повествование было неполным. Похоже, несколько берестяных свитков было утеряно. Но и разрозненные, обрывочные куски давали полную картину произошедшего:

... Йорги гонят нас, аки диких зверей, уже много дней. Глядячи на них, чувствуешь ужас несказанный и бежишь, себя не помня. Многие бабы убиваются. Как бежали в страхе великом, так и о детях малых позабыли, бросили...

... Вышли из лесов и стали стойбищем на много дней. Они держатся рядом, но в отдалении. Собирают людей из разных мест: голых, босых, голодных, измученных...

... Шли просторами безлесными, разнотравными, пока не пожухла и высохла трава...

... Ныне ночью бежали двое отчаявшихся, поймав диких лошадей. Поутру мучители бросили в становище их оторванные головы. Дабы был урок нам...

... Диво дивное, каменные горы выше туч плывущих, выше птиц летящих. В дали дальней от родного дома многие пали духом и бредут, аки овцы в стаде...

... Люди мрут, как мухи зимой от лишений пути и тоски смертной...

... За горы йорги не пошли, сели на вершинах, аки каменные истуканы. Смелчаки ушли, стороной обходя их. Головы их через день сбросили со скал...

... Люди стали разбредаться по чужой земле, селиться на берегу реки...

... Сошла с гор девочка чудная: лицом – дитя, обликом – зверь. То ли йорг, то ли человек.
Шерстью не покрыта, но дика, зла, нелюдима...

Экспедиция.

Стоя по колено в воде обмелевшей к концу лета реки в чем мать родила, Ефим мрачно тер двумя руками штаны. Несмотря на длительные усилия и стекавший струйкам по спине пот и от него, и от его одежды распространялся зловонный душок, привлекающий больших зеленых мух. Они стайкой кружили над головой, щекотали мосластую спину, норовя присесть то на хрящеватые оттопыренные уши, то на самый кончик длинного носа. Ефим в сердцах матерился, поёживался, отмахивался, но продолжал остервенело тереть штаны.

Ну вот и кончилась сладкая жизнь. И полугода не продержался. А как хорошо все началось! В кои-то веки он стал уважаемым человеком – смотрителем торгового поста. Теперь его в городе знала каждая собака. А все, кто еще вчера Ефимкой кликал, выражали свое почтение Ефимию Петровичу кланаясь, а то и шапку снимая. Ну, конечно, кроме этих зловредных баб – рыбных торговки. Накаркали, язвы! Ефим аж сплюнул от досады. Теперь злорадствуют, небось, маракуши.

А иноземец – тоже хорош гусь. Надо же удумать такое? Пожаловаться правителю на слишком высокую стоимость места на торговом посту. Конечно, Ефим завысил цену ровно вдвое. Так и товар у иноземца сплошь дорогой: золоченые чернильницы, украшенные самоцветами, зеркало в серебряных рамках, пуговицы и пряжки с впаянными золотыми нитями, вышитые жемчугом поясные сумки и прочее. Чай не обеднел бы.

Домиар немедленно смекнул насколько обманывает его Ефим против негласно разрешенных 10% сверху от цены места на торговом посту и рассвирепел. Домой к Ефиму уже поздно вечером явились служители правителя. Да Ефим услышал их кованые железом сапоги еще издали и утек через чердачное окно да по соседским крышам, как был босиком. Впотьмах откопал под мостками у мельницы заветный мешочек с монетами, на такой вот черный день давно припрятанный, да и подался садами и огородами, минуя хорошо освещенные городские улицы, на окраину города к золотарям.

Памятуя о позорной судьбе своего предшественника, Ефим не был бы сам собой, если бы заранее не позаботился о пути возможного бегства. По давно заведенному порядку работали золотари по ночам, вывозя бочки со зловонным содержимым за город под утро. В такой вот бочке, заполненной лишь на 2/3 и выехал из города Ефим, сидя по шею в нечистотах и задыхаясь от чудовищной вони, но оставаясь невидимым для бдительной городской стражи. За городом беглый смотритель рынка и корыстный золотарь расстались вполне довольные друг другом: золотарь – горстью блестящих монет, Ефим – тем, что выбрался из города живым, подальше от гнева всемогущего правителя.

Все утро он просидел в речке, безуспешно пытаясь смыть с себя едкий запах. Рубаха его уже сушилась, растянутая на прибрежных кустах. Живой то он живой. А вот что делать дальше? Вся жизнь псу под хвост. Снова у него ни кола, ни двора. И девки снова любить не будут. А он только приохотился к одной сдобной бабенке похаживать. Принимали его ласково, особенно с подарочками. Может, и женился бы. Эх, беда! Разве такой проныра, как Ефим, мог не провороваться? Конечно, нет. И Домиар прекрасно об этом знал. Они друг друга отлично понимали, ведь одного поля ягоды. Только правитель пожестче, а Ефим поизворотливее.

Неясный гул и грохот заставили Ефима поднять голову, вытаращить от ужаса глаза и, бросив злосчастные штаны, бежать в сторону берега. Благо, до него было всего несколько шагов. Стена грязно-бурой воды, гоня перед собой волну сжатого воздуха, пронеслась мимо ошеломленного мужика, расплескиваясь из русла, слизывая, как корова языком, все, до чего могла дотянуться на берегу: кусты, деревья, нерасторопных овец на водопое. Мимо него проплыла вывороченная с корнем сосна, по стволу которой носилась обезумевшая белка, туша коровы и

фермерская телега колесами вверх. Почти высохшая рубаха Ефима уплыла вместе с кустами, на которых она и сушилась.

Положение было критическим. Теперь прикрыться можно было разве что лопухом.

Смертоносная волна, между тем, продолжила свой бег, достигнув города. Игравшие на мелководье дети с визгом бросились врассыпную, но выбраться на спасительный берег успели не все. Прачки, стиравшие белье на обширных мостках у мельницы, оказались проворнее. Большие плетеные корзины с бельем оседлали волну, словно лошадь, и подпрыгивали вверх-вниз, пока не затонули под тяжестью мокрого белья. Обломки мостков продержались на плаву дольше.

Мельница устояла. Волна ударилась о нее, будто о волнолом и, выплеснувшись на берег, тихонько стекла обратно в русло, не солоно хлебавши. Старый мост выдержал, а у нового вода сорвала полотнище, сковырнув в воду телегу с арбузами, проезжавшую по мосту в тот момент. Арбузный водопад обрушился в реку. Полосато-зеленые шары шустро повыныривали и унеслись, подхваченные течением, в море. Вознице повезло меньше. Его бездыханное тело, ворочая по каменному дну, вода тоже утащила с собой.

Паника прокатывалась по городу по мере прохождения волны: визжали бабы, кричали дети, прохожие опрометью бежали с мостов и набережных. Натворив немало бед, мутный поток влился в море, взбаламутив изумрудно-прозрачную воду бухты и принеся с собой кучи мусора и тела погибших. И исчез, словно по волшебству, поглощенный невозмутимым спокойствием морских вод. Вода в реке вновь почти полностью иссякла. Когда через положенное время тела всплыли, удалось выловить в бухте полтора десятка погибших горожан. Ещё десяток человек пропали бесследно, пойдя на корм крабам. Погибшим сочили и Ефима.

Город притих, оплакивая мертвых и опасаясь повторения случившегося. Домиар отправил вверх по течению реки отряд служителей. Они рассредоточились вдоль русла на день пути и должны были предупредить горожан в случае появления ещё одной волны. Балаш, забыв про еду и сон, внимательно обследовал опоры мостов и набережные на предмет трещин и возможного разрушения. Боязливо оглядываясь и чутко прислушиваясь, мужчины чистили русло реки от обломков деревьев и раздутых туш животных. Плотники уже сколачивали из толстых бревен полотнище для нового моста. На закате, по обычаю, закурились на берегу моря дымки погребальных костров. Для тех, чьи тела не удалось найти, тоже зажигали погребальные костры, но небольшие, символические. На них сжигали вещи, принадлежавшие покойным.

«Значит, думаешь вода прорвала тот каменный обвал,» – задумчиво произнес Домиар. – «Но не разрушила его полностью, и в том ущелье сейчас снова набирается озеро, поэтому и воды в реке нет».

«Ты уверен?» – требовательно спросил он. – «Ты единственный, кто там был».

«Уверен,» – твердо ответил Балаш. Он валился с ног от усталости и с трудом держал глаза открытыми. Юноша не чаял, как скорее добраться до дома, упасть и уснуть. Сегодня не было ни тенистой беседки, ни чаши с вином, ни блюда со сладостями. Разговаривали на ногах, стоя посреди конюшенного двора.

«Ладно, иди. Зайди ко мне завтра к вечеру,» – отпустил Домиар юношу движением руки, словно потеряв к нему всякий интерес, и обдумывая уже что-то другое.

Следующим вечером Балаш застал в поместье правителя всеобщую суету: ржали только что подкованные лошади, грузились легкие повозки, бегали взмокшие служители, нагруженные мешками и ящиками. Беспрепятственно проникнув во внутренний двор, он наткнулся на Азара.

«А, друг, Домиар уже ждет тебя. Идем скорее,» – потащил он Балаша по затейливо мощеной камнями дорожке.

«Балаш, приветствую тебя,» – приветливо обратился к юноше правитель, едва тот вступил в уже знакомую, увитую виноградом беседку. Тяжелые грозди темно-пурпурных ягод свисали повсюду, распространяя аромат легкого летнего вина, солнца и вечерней прохлады.

«Гимруз, познакомься, это Балаш – смотритель дорог и мостов. Он тоже отправляется в экспедицию потому, что он единственный, кто видел обвал в ущелье своими глазами,» – представил он юношу чужеземцу, одетому в белую рубаху до пят и с куском ткани, обмотанным вокруг головы. Молодой человек с необычайно смуглой кожей и завораживающе-белоснежной улыбкой поднялся навстречу юноше и склонился в вежливом поклоне, сложив на груди руки, украшенные множеством массивных перстней с самоцветами. Маленький, сухонький старичок за его спиной (как оказалось впоследствии переводчик) тоже почтительно склонился. Ошарашенный новостью о неизвестной ему пока экспедиции, Балаш неловко повторил движения чужестранца и присел в углу на приготовленную подушку. Рядом устроился Азар. Юноше уже доводилось видеть на торге чужестранцев с диковинной формы кораблей, стоящих в порту. Все они были одеты одинаково – в длинные рубахи беленого полотна. Их причудливый наряд вызывал живейшее любопытство у торговков рыбой, до хрипоты споривших есть ли под рубахой штаны. Чтобы выяснить сей животрепещущий вопрос они даже посылали мальчишек спросить к портовым девкам. Но из-за давней взаимной неприязни между этими двумя языкастыми группировками: рыбными торговками и портовыми девками, выяснить ничего не удалось.

Между тем, Домиар продолжил прерванный их появлением разговор.

«Друг мой, что же это за вещество, способное рушить каменные стены и обращать в пыль дома? Вы добываете его в своей земле, как медь и олово? Или привозите из странствий?» – заинтересованно допытывался он у чужеземца.

«Наши мудрецы изготавливают его из многих составных частей по давнему рецепту, привезенному из далеких земель. Моему скудному уму не дано постичь это искусство,» – предупредил Гимруз дальнейшие расспросы Домиара. – «Но изрядное его количество я привез с собой и рад предложить Вам. Надеюсь, его хватит, чтобы решить проблему с водой. Конечно, для этого я тоже должен отправиться в путешествие. Но тяготы пути меня не пугают. Я любопытен и люблю осматривать новые земли».

Домиар был вовсе не в восторге от того, что чужестранец будет путешествовать по его владениям и совать нос куда не следует. Но приходилось соглашаться. Ибо не далее, как сегодня утром маленькая щепотка серого порошка, показав чудовищную силу, разорвала в клочья камень размером с коня. После столь впечатляющей демонстрации отказываться от любезной помощи чужеземца было неразумно. Глядишь, в пути удастся выведать у него и рецепт сей чудодейственной смертоносной смеси. С этой целью в дорогу отправлялся единственный, кому Домиар доверял – Азар.

Балаш был в смятении. Экспедиция была намечена уже на завтрашнее утро и, похоже, никого не пугает, что конечная её цель лежит в запретных землях. А как же йорг? Надо рассказать им о чудовище. Встретиться с ним – смерти подобно. Но и не ехать нельзя, без воды город погибнет.

Улучив момент, Балаш встрял в разговор: «Ведь это запретные земли, в тех горах живут йорги».

«Йорги? Кто это?» – немедленно заинтересовался чужеземец.

«Это чудовища из старинных легенд, которыми матери пугают непослушных детей,» – снисходительно пояснил Домиар. – «Едва ли они существуют на самом деле».

«Существуют, я видел одного в горах. Он разорвал и сожрал мою лошадь,» – упрямо продолжал Балаш. Это заявление произвело на Домиара такой же эффект, как разорванный на утренней демонстрации в клочья камень. Судя по воцарившейся тишине, и на всех прочих тоже.

«Ты видел йорга?» – враз посерьезнев, по слогам произнес он.

«Почему ты не сказал мне?» – обиженно спросил потрясенный Азар.

«Да сам не знаю,» – словно оправдываясь, ответил Балаш.

Правитель требовательно поднял руки, призывая всех замолчать. «Ты видел йорга,» – снова произнес он, отчетливо выговаривая каждое слово – «Ты уверен, что это был он, а не, например, медведь?»

«Уверен. Я читал о них в старинных рукописях в хранилище, и у меня есть рисунок».

«Да Вы полны сюрпризов, молодой человек,» – изучающе-пристально и в то же время недобро смотрел на юношу Домиар, словно впервые его видел. Точно также он рассматривал и рисунок, пока Балаш рассказывал все, что ему удалось узнать о йоргах за последнее время. Поднятый с постели хранитель рукописей охрипшим от волнения голосом сам читал присутствующим летопись о путешествии Нетуша, не позволяя никому и пальцем прикоснуться к драгоценной рукописи. Мало что в этой жизни уже могло удивить и озадачить Домиара. Но йорги? Такой противник будоражил его кровь, как взмыленную гончую раненый олень. Мгновенно исчезла затягивающая болотная скука, в которой он тонул последние годы, а острый изворотливый ум заработал азартно, как в молодости.

На следующее утро тронулись в путь. Полсотни хорошо вооруженных всадников гарцевали на холеных лошадях, за ними резво катили несколько легких повозок с припасами и ехал чужеземец с небольшой свитой и несколькими навьюченными лошадьми. Ради путешествия все они сменили свои традиционные наряды на вполне обычные штаны и рубахи, только замотанные вокруг головы куски ткани оставили. Гимруз сверкал ослепительной улыбкой и не менее ослепительным блеском самоцветов в перстнях, вполне довольный началом путешествия. Азар крутился вокруг него, не отходя ни на шаг. Тонконогая черногривая кобылка Кениши нервно фыркала в таком столпотворении. Балаш пристроился позади свиты чужеземца, то и дело озадаченно поглядывая на девушку. Она то что здесь делает? Замыкала обоз длинная, массивная телега на мощных деревянных колесах, которую тянули четыре тяжело-воза. Грузена она была мотками толстых корабельных веревок и сыромятных ремней.

Двигались ни шатко, ни валко. Задолго до заката разбили лагерь, развели костры, стали жарить мясо, варить похлебку и пить вино. «Словно не на войну идем, а на игрища какие,» – раздраженно думал Балаш. Он был всерьез обеспокоен. Юноше казалось, что его спутники недооценивают опасность затеянного предприятия. Балашу было невдомек, что возвращение в город реки было вовсе не единственной целью их путешествия. Секрет чудодейственного, взрывающего камни серого порошка не давал покоя Домиару. Потому и заливался соловьем Азар, увиваясь вокруг гостя. Подливал тому вина и развлекал остроумной беседой. Потому и посматривала на чужестранца благосклонно высокомерная красавица Кениша, позволяла целовать свои изящные тонкие пальчики, оставаясь недоступной, но манящей, словно сияющая звезда на небе.

В сумерках неожиданно появилась Умила. Просто пришла и села к костру, мимоходом отвесив тяжелую оплеуху стражнику, попытавшемуся её остановить. Тот упал на землю под дружное ржание присутствующих и обиженно засопел, потирая щеку.

«Я поеду с Вами,» – спокойно заявила она, снимая дорожную суму и усаживаясь рядом с юношей. В суматохе предыдущего вечера Балаш не успел предупредить её, что уезжает и чувствовал себя виноватым. За последние недели между молодыми людьми сложилось что-то теплое, нежное, доверительное, мягкое и пушистое, словно только что проклюнувшийся цыпленок, чему Балаш и названия то не знал, но очень боялся спугнуть и потерять. Сейчас Умила была сердита: медово-карие глаза метали молнии, ноздри раздувались, движения были резкими. Балаш искренне посочувствовал стражнику, попавшему ей под горячую руку. Зато Гимруз был в восторге от новой спутницы. Восторженно цокая языком и сияя улыбкой, он угощал Умилу вином и лучшими кусками мяса, называл «амазонкой севера» и всячески выражал свое восхищение, к явному неудовольствию детей Домиара.

Уже позже, укладываясь спать прямо под звездным небом и укрывая девушку своим плащом, Балаш шепотом спросил: «Зачем, Умила? Там опасно». Но отговаривать и не пытался. Бесполезно. «Как ты не понимаешь? Я хочу их увидеть. Не могу упустить такой шанс. Ведь они, наверное, и правда мои предки,» – с жаром ответила Умила. Балаш уже сто раз раскаялся в том, что рассказал ей о «девочке, сошедшей с гор: то ли йорге, то ли человеку».

Ефим присоединился к экспедиции не по собственной воле. Он бездарно и нелепо погорел на собственном любопытстве. Подобравшись поближе, посмотреть, что это за обоз движется вдоль реки, он был замечен, с улюлюканьем пойман конными стражниками и привезен в лагерь, свисая поперек крупа коня, как куль с мукой. Вид он имел самый непрезентабельный. Те щедрые на прорехи обноски, которые Ефим упер у какого-то фермера,годились разве что на половые тряпки, босые ноги покрылись коркой грязи, свисающие сосульками волосы закрывали заросшее седой щетиной лицо.

«Ба, друг мой, да ты вовсе не покойник!» – глумясь, приветствовал его появление Азар. – «Вот радость то. Думаю, правитель тоже будет счастлив узнать эту новость. Везти тебя назад нам не с руки. Поэтому придется тебе попутешествовать до Радужных гор». Понурого, горестно вздыхающего, проворовавшегося бывшего зрителя городского торгогусаадили на последнюю телегу, связав покрепче руки. Устроившаяся рядом Умила снисходительно посматривала на недотепу.

Спасение.

Ула пришла через две полных луны после первой встречи Урума с людьми. К тому времени он уже залечил раны: и телесные, и душевные. Ула принесла с собой тихую скорбь по старику Мууну. Его дух покинул их навсегда. Тело старика, по обычаю, Ула оставила на поляне, где хищные птицы и звери без труда найдут и сожрут его. Урум разделил ее скорбь без суеты и спешки, часами созерцая цепляющиеся за вершины скал клочковатые облака или радужное сияние водяных брызг над водопадом.

Они видели, как схлынуло в ущелье озеро, прорвавшее каменную дамбу. Слышали, как гудели и сотрясались скалы от мощных ударов воды, увлекающих за собой валуны. Теперь в ущелье пахло сыростью. Когда дамбу прорвало, Урум понял, что люди обязательно вернутся. Он терпеливо ждал, оглядывая невысокие лесистые холмы, примыкавшие к горам. И не напрасно. Они вернулись.

Люди оккупировали один из них, неподалеку от входа в ущелье: привязали лошадей, зажгли костры, распугали шумом всю живность, беспорядочно ползали по нему, суетясь, будто муравьи в муравейнике. Их было много, очень много. Как он справится с ними? Урум был озабочен. Пока он мог лишь бессильно наблюдать за длинной цепочкой всадников, втянувшейся на следующее утро в ущелье. В лагере осталась совсем небольшая группа людей. Было очевидно, что они здесь из-за реки. Второй раз люди появляются, когда с ней что-то происходит. Возможно, когда они получают то, зачем пришли, то просто уйдут? Решив пока просто понаблюдать, йорг скрытно двинулся за всадниками. Ула следовала за ним.

Люди не торопились, оберегая ноги своих лошадей. Ощетинившись копьями и арбалетными стрелами, они внимательно посматривали по сторонам и добрались до места уже в сумерках. Спали люди по очереди, часть из них рассыпалась по скалам, боязливо вглядываясь в ночной мрак, хотя слепы были, как кроты. С рассветом они расползлись по каменному обвалу, перегородившему реку, опутали его сетью веревок, словно пауки, пряча что-то между камней. Руководил ими маленький, сухонький человечек с белой бородой и нелепо замотанной головой. После этого люди собрались и спешно гуськом потянулись вниз по ущелью. Остались лишь двое. Уруму показалось, что один из них был тем самым, чью лошадь он разорвал некоторое время назад. Хотя все люди так схожи друг с другом. Поди, различи их. Двое долго сидели у костра, словно ждали чего-то, и лишь на вечерней заре начали действовать. Заполнив два глиняных горшка углями из костра, люди вновь полезли на камни и принялись поджигать хитросплетение веревок во многих местах. Потом, бросив горшки с углями, они спешно попрятались за выступы скал по разные стороны ущелья. Человек был совсем рядом с Урумом, на расстоянии одного прыжка. Но, полностью поглощенный тревожным ожиданием, не замечал ничего вокруг. Между тем огоньки по горящим веревкам добрались до своих целей и в расщелинах между камнями стали раздаваться громкие хлопки, через несколько мгновений слившиеся в один оглушительный, сравнимый по силе с громом небесным. Каменный завал словно вздохнул полной грудью. Валуны поднялись в воздух, раскрошились и опали вниз, увлекаемые мощным потоком хлынувшей воды, будто невесомые песчинки.

Урум был ошеломлен. Люди способны делать такое? Разрушать скалы, словно неодолимые природные силы? Как они это сделали? С помощью огня и веревок? Невероятно. Похоже, он сильно недооценивал их. Они все недооценивают опасность людей. За столетия, прошедшие после изгнания, люди многому научились, стали хитроумнее, изворотливее и злее. Тем временем, каменный выступ, за которым прятался человек, потеряв опору, стал быстро сползать в реку, увлекая за собой и его. Не раздумывая ни секунды, Урум прыгнул вниз, выхватил из потока воды человека и швырнул того вверх, в расщелину, где прятался сам. Забившись в самую её глубину, ничтожный человечек расширенными от ужаса глазами смотрел на прибли-

жающегося йорга. В конце концов, он, мелко дрожа, сжался в комок и закрыл голову руками. Запахло экскрементами. Брезгливо скривившись, Урум исчез в сумерках. Люди сделали то, что хотели. Теперь они уйдут. Река широким потоком свободно текла по дну ущелья, ворочаясь, словно медведь в берлоге, вновь притираясь к знакомому руслу.

Он по-прежнему недооценивал людей.

Охота

В охоте на йорга Балаш не участвовал. После неожиданного спасения и близкого знакомства со спасителем, он был ни жив, ни мертв. Едва переставляя ноги после пережитого ужаса, а кое-где и ползком, они с напарником – человеком из свиты Гимруза, выбирались из ущелья почти сутки. Их уже сочли мертвыми, когда они, вконец обессиленные, показались в глубине ущелья. Но дело было сделано. Река текла, где ей и должно, а чудодейственная сила взрывного порошка повергала всех в изумление, заставляя Азара и Кенишу удвоить усилия. Ведь пока они не преуспели.

Человек из свиты Гимруза, видевший все произошедшее с другого берега реки, немедленно упал в ноги своему господину и принялся быстро-быстро лопотать на своем языке, оживленно жестикулируя и закатывая глаза. Похоже описание йорга у чужеземца вышло на редкость красочным, так что все периодически охали, ахали и, оборачиваясь, смотрели на Балаша с смесью ужаса и изумления. Потрясение, пережитое юношей, было так велико, что, добредя до лагеря и проглотив миску похлебки, заботливо принесенную Умилой, Балаш упал и уснул.

Когда он проснулся, вокруг царили тишина и запустение: не ржали лошади, не бряцали оружием всадники, от костров не доносился дружный смех стражников. Пахло конским навозом и жареным мясом. Кроме него в лагере оставались лишь Умила, Кениша, белобородый старик из свиты Гимруза, мерно перебирающий черные бусины на длинном шнуре, и привязанный к дереву Ефим, которого стерегли двое стражников. Все остальные, включая чужеземцев, с рассветом двинулись в горы.

Азар верно рассудил, что искать йорга им долго не придется, тот сам найдет их. Похоже, он проявляет живейший интерес к действиям людей. Поэтому, не торопясь двигаясь по ущелью, отряд старался производить как можно больше шума, выманивая чудовище на живца. Так и случилось. В какой-то момент лошади всадников, ехавших во главе отряда, словно взбесились. В ужасе они метались по ущелью, сбрасывая наездников на камни, топча их и сбивая друг друга. Зато все остальные увидели йорга. Туча арбалетных стрел и копий взвилась в воздух, и рев раненого чудовища сотряс ущелье. Взбешенный йорг убежать не стал, он спрыгнул вниз и бросился на людей, ломая кости и круша черепа. Несмотря на свирепую ярость Урума силы были не равны, торчащие из тела стрелы причиняли ему боль, кровотечение лишало сил. А люди все наседали и наседали и, в конце концов, облепили его, словно пчелы соты с медом. А затем повалили и оплели сыromятными ремнями и веревками, будто паук липкой паутиной незадачливую муху. Поверженный и плененный йорг был страшен, ну а люди в азарте охоты, распаленные запахом крови, были страшнее любого зверя.

Только увидев йорга, привязанного к тяжелой телеге, Балаш понял, для чего она предназначалась. Значит, его поимка была изначальной целью их путешествия. Чего еще он не знает? Для этого и нужны были столько хорошо вооруженных стражников. Сейчас их стало заметно меньше, десяток расстался с жизнью в горах, ещё полтора десятка были ранены. Азар и Гимруз не пострадали. Опыленные успехом азартной охоты, они приказали жарить мясо и открывать сосуды с вином. Йорг, плотно примотанный к телеге, признаков жизни не подавал, его глаза были закрыты, ремни глубоко врезались в покрытое шерстью тело. Если бы не мерно вздымающаяся грудь чудовища, его можно было бы считать мертвым. Балаш испытывал смешанные чувства, глядя на него. Йорг спас ему жизнь. Почему? Возможно, ему не чуждо сочувствие и

сострадание. В тоже время, он, не колеблясь, убил столько людей. Почему? Только потому, что они вторглись в запретные земли?

Устав ломать голову над неразрешимыми вопросами, Балаш взял топор и отправился помогать готовить погребальные костры. На пару с Умиллой они валили деревья, и, надо признать, топором она орудовала гораздо лучше, чем он. На вечерней заре повалил столбом в небо дым двух погребальных костров: отдельных для жителей города и чужеземцев. Оказалось, что покойников своих островитяне провожали так же – сжигая на кострах и устраивая поминки.

Верование чужеземцев было очень занятно и вызывало живейший интерес у юноши. Каждый день на восходе и закате они усаживались на землю лицом в сторону солнца и, сложив руки на груди, бормотали что-то на своем языке. Потом делали руками жест, будто умывают лицо водой. На этом поклонение неизвестному Богу заканчивалось, по крайней мере та его часть, которую можно было видеть не единоверцам. Балаша искренне удивляло такое истовое соблюдение традиций. Неужели Бог накажет их, если они не будут стоять на коленях два раза в день? Как он об этом узнает? Кто он вообще такой? Где живет? Почему люди решили слушать именно его, а не какого-нибудь другого Бога? А какие еще есть Боги и каковы они? Сколько раз нужно упасть ниц, чтобы Бог выполнил твою просьбу? Ответов на такие, казалось бы, простые вопросы получить он не смог. Более того, люди из свиты Гимруза в ужасе шарахались от них, как от стаи бешеных собак, будто юноша хотел узнать что-то неприличное. Но разве можно разобраться, не задавая вопросов? В конце концов, Балаш обратился с ними к самому Гимрузу, искренний, оглушительный хохот которого никакой ясности тоже не добавил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.